

ПРИЛОЖЕНИЕ
АППИАНОУ
РΩΜΑΙΚΑ
АППИАН
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Аппиан
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод С. П. Кондратьева

V

ИЗ [КНИГИ] «О ВОЙНАХ В СИЦИЛИИ И НА ОСТАЛЬНЫХ
ОСТРОВАХ»

I. [Из сборника «О посольствах»; U., стр. 354] ¹. Когда и римляне и карфагеняне стали нуждаться в деньгах, то первые, истощенные военными расходами, не стали больше снаряжать флотов, но, набирая пешее войско, они каждый год посылали *его* в Ливию и Сицилию ², карфагеняне же отправили посольство к Птолемею, *сыну* Птолемея, *сына* Лага, царю Египта, желая занять у *него* две тысячи талантов. У Птолемея же была дружба и с римлянами и с карфагенянами, поэтому *он* попытался примирить их друг с другом. Потерпев неудачу, *он* сказал, что следует помогать друзьям против врагов, но не против друзей.

II. [Оттуда же, там же]. Карфагеняне, дважды потерпев за это время *поражение* на суше и дважды на море, где *они* считали себя намного превосходящими *римлян*, и уже испытывая недостаток и в деньгах, и в кораблях, и в людях, стали просить у Лутация ³ перемирия и, получив *его*, отправили в Рим послов для переговоров о мире на умеренных, насколько это возможно, условиях (*ἐπι βραχυτέροις*); ⁴ с послами *они* отправили и консула Атилия Регула, бывшего у них пленником, чтобы *он* уговорил своих сограждан заключить мир на этих *условиях*. Он прибыл как пленник, одетый по-финикийски, и, отстав от послов в помещении сената, объяснил *сенаторам*, что дела карфагенян находятся в плачевном состоянии, и убедил *их* или решительно продолжать войну, или заключить мир на более выгодных *условиях*. Когда он добровольно вернулся в Карфаген, карфагеняне убили *его*, набивши повсюду железных гвоздей в доски, между которыми он стоял, так, чтобы *он* не мог нигде прислониться, сами же заключили мир с более значительными *уступками* с их стороны.

2. Условия, на которых *они* договорились, были следующие ⁵: плен-

¹ 252 г. до н. э.

² Рассказ относится ко времени после 256 г. до н. э., но противоречит сообщению Полибия (I, 34 сл.). Ср., однако, Polyb., I, 39, 7 сл.

³ Гай Лутаций Катул, консул 242 г., победитель карфагенян в морском сражении при Эгатских островах 10 марта 241 г.

⁴ Выражение *ἐπι βραχυτέροις*, необычное в классической прозе, другими истолковывается: «не предъявляя римлянам очень широких условий»; «в возможно короткой срок».

⁵ Ср. Cic., de off., III, 99 сл.; Gell., VII, 4,1 сл.; Liv., Ep., XVIII.

ников *из числа* римлян и перебежчиков, сколько *их ни* было у карфагенян, тотчас отдать римлянам и отказаться *в пользу* римлян от Сицилии и других меньших островов, которые находились около Сицилии; карфагеняне не должны начинать войны с сиракузянами или с тираном Сиракуз Гиероном, не *должны* набирать наемников в Италии, *обязаны* внести как контрибуцию римлянам за войну две тысячи эвбейских талантов в двадцать лет, привозя в Рим взнос каждого года. Эвбейский же талант имеет семь тысяч александрийских драхм. Этим окончилась первая война римлян и карфагенян из-за Сицилии, продолжавшаяся двадцать четыре года ¹. Во время этой войны у римлян погибло семьсот кораблей, у карфагенян — пятьсот. Таким образом, римляне овладели большей частью Сицилии, которой целиком раньше владели карфагеняне; на *жителей острова* они наложили подати и, распределив морские повинности между городами, стали посылать в Сицилию *на каждый* год претора. В вознаграждение за ту помощь, которую сиракузский тиран Гиерон оказал им в этой войне, они сделали его другом и союзником.

3. Когда окончилась эта война, кельты стали требовать *от* карфагенян платы, полагавшейся им еще *со времени войны* в Сицилии, и *тех* подарков, которые обещал им дать Гамилькар. Требовали того же и ливийцы; хотя они были подданными карфагенян, но *со времени* похода на Сицилию они возгордились, видя к тому же карфагенян слабыми и истощенными; ливийцы были раздражены на них за избиение трех тысяч своих сограждан, которых карфагеняне распяли за то, что они перешли на сторону римлян. *Так как* карфагеняне отказали и тем и другим, *они* соединенными *силами* взяли город Тинет ², и Утику, которая является величайшим городом Ливии после Карфагена; двинувшись оттуда, *они* звали к отпадению остальную Ливию, убедили *выступить вместе с ними* некоторых из номадов и приняли *к себе* большое число бежавших рабов, а все *владения* карфагенян подвергли опустошению. Теснимые отовсюду войной, карфагеняне обратились за помощью против ливийцев к римлянам как к своим союзникам. Римляне им не послали войска, но разрешили получать *себе* продовольствие из Италии и Сицилии и, только для этой войны, набирать наемников в Италии ³. *Они* отправили и послов в Ливию, *не* смогут ли те прекратить войну; послы возвратились, ничего не достигнув. И карфагеняне *всеми* силами принялись за *эту* войну.

III. [Из сборника «О доблестях и пороках»; V a l., стр. 558, и S u i d., s. v. Ἐπιχίδης] ⁴. Два брата, оба военачальники у сиракузян, Гиппократ и Эпикид (Ἐπιχίδης), с давнего времени недовольные римлянами, так как *они* никак не могли втянуть Сиракузы в войну, бежали к леонтинцам, враждовавшим с сиракузянами, и обвиняли своих сограждан *в том*, что *в то время как* Гиерон заключил мирный договор, касающийся всей Сицилии, одни сиракузяне хотят заключить *лишь для себя* новый договор с *римлянами*. Леонтинцы пришли в негодование, а сиракузяне объявили, что, если кто принесет им голову Гиппократа или Эпикиды, *они* дадут за это ему столько же весом золота; леонтинцы же выбрали у себя Гиппократа военачальником.

IV. [Оттуда же, V a l., там же] ⁵. Сикелы, и раньше негодовавшие на жестокость полководца Марцелла ⁶, еще более были возбуждены тем

¹ 264—241 гг. до н. э. Ср. P o l y b., I, 63.

² Тунет (Tunis).

³ Ср. P o l y b., I, 83, 9 сл.

⁴ 214 г. до н. э.

⁵ 212 г. до н. э.

⁶ Марк Клавдий Марцелл, проявивший большую жестокость при взятии Леонтин в 214 г. до н. э. (L i v., XXIV, 20).

обстоятельством, что он ворвался в Сиракузы, воспользовавшись предательством. Сикелы перешли на *сторону* Гишпократа и дали друг другу клятву не заключать мира ¹ друг без друга. Они послали ему и продовольствие и войско *в количестве приблизительно до* двадцати тысяч пехих и пяти тысяч всадников.

V. [Оттуда же, там же]. Ненавистному *для всех* ² Марцеллу не верили без клятв. Поэтому, *когда* сдавались ему тавромении³, он заключил с ними договор и поклялся, что он не поставит в город гарнизона и не будет производить из их среды набор.

VI. [Из сборника «О посольствах»; U., стр. 371]. 1. Считалось, что критяне с *самого* начала благоприятно относились к Митридату, царствовавшему в Понте, и говорилось, *что во время его* войны с римлянами они посылали ему наемников. Считалось *достоверным* также, *что критяне* из расположения к Митридату содействовали морским разбойникам, *наводнявшим* тогда *моря*, и явно помогали им, *когда их* преследовал Марк Антоний ⁴. Когда Антоний отправил к ним послов, *критяне* не обратили на них внимания и ответили надменно. За это Антоний начал с ними тотчас войну, но действовал не очень удачно, однако был прозван за свои действия «Критским». Этот *Антоний* был отцом Марка Антония, воевавшего позднее при Акции с Цезарем, названным Августом. Но когда римляне постановили начать войну с критянами, критяне отправили послов в Рим для переговоров о мире⁵. Римляне приказали выдать им Ластена, воевавшего с Антонием, передать все разбойничьи суда и всех пленников из римлян, которых *они* имели, *дать* триста заложников и *заплатить* четыре тысячи талантов серебра.

2. *Так как* критяне не приняли этих условий, против них был выбран стратегом Метелл ⁶. И в битве при Кидонии Метелл победил Ластена, и, *когда тот* бежал в Кносс, Панарес ⁷ передал Метеллу Кидонию при условии, *что он* сам не потерпит ничего *плохого*. Когда Метелл осаждал Кносс, Ластен поджег свой дом, полный богатствами, и бежал из Кносса. И вот критяне, послав к Помпею Великому, бывшему полководцем в войне с морскими разбойниками и Митридатовой войне ⁸, сказали, *что, если он* придет, они поручат себя *ему*. Он же, будучи тогда занят, велел Метеллу ⁹ покинуть остров, так как, *по его* словам, не должно дальше воевать со сдавшимися; ибо *он* сам придет и примет этот остров *под власть* Рима. Но Метелл, не подумав подчиниться, продолжал войну, пока не покорил этот *остров*, заключив с Ластеном договор на тех же *условиях*, как и с Панаресом. Он справил триумф ¹⁰ и был прозван Критским справедливее Антония, *так как он* подчинил остров.

VII. [Из сборника «О доблестях и пороках»; Val., стр. 558]. Клодий ¹¹,

¹ С римлянами.

² За свои грабительские действия в Сицилии; ср. Liv., XXVI, 29, 4 сл.

³ Событие это должно быть отнесено к 214 г., когда, по взятии Сиракуз, Марцелл подчинил Риму и другие пункты восточной Сицилии (Liv., XXV, 40 сл.).

⁴ Марк Антоний в свою прегуру (в 74 г. до н. э., Vel., II, 31, 3) получил по распоряжению сената командование над силами, направленными для борьбы со средиземноморскими пиратами (Cic., in Verr., act. sec., II, 8; III, 213).

⁵ Эти переговоры должны были происходить в 69 г. до н. э. (Diod., XI, L, 3 сл.).

⁶ Квинт Цецилий Метелл, консул 69 г. до н. э.

⁷ Другой вождь критян, вместе с Ластеном сопротивлявшийся Антонию и Метеллу (Vel., II, 24).

⁸ В 67 г. до н. э. Помпей по lex Gabinia получил полномочия против пиратов (см. Plut., Rom., 25), в 66 г. по lex Manilia ему были даны полномочия для войны с Митридатом.

⁹ Через своего легата Луция Октавия, с которым Метелл обошелся, как с врагом.

¹⁰ В 62 г. до н. э.

¹¹ Публий Клодий, квестор 61 г. до н. э. и народный трибун 58 г.

родом патриций, прозванный Пульхром, т. е. красавцем, любил жену Гая Цезаря. Будучи еще безбородым, он оделся женщиной с головы до пят и как женщина пришел в дом Гая ночью, когда туда можно было входить одним женщинам, так как справлялись мистерии¹. Потеряв провожавшую его *служанку* и будучи открыт другими по голосу, он был *оттуда* выгнан.

VII

ВОЙНА С ГАННИБАЛОМ

I, 1. В этом сочинении излагается, что карфагенянин Ганнибал, вторгшись из Иберии в Италию, испытал от римлян в *течение* шестнадцати лет, которые он там непрерывно воевал, пока карфагеняне, подвергаясь опасности в своем собственном городе, не призвали его в свои владения, а римляне не изгнали его. Какая же у Ганнибала была истинная причина вторжения и какой внешний предлог, в высшей степени точно показано в Иберийском сочинении; однако я опишу это и здесь для напоминания.

2. Гамилькар, который был прозван Баркой, отец этого Ганнибала, был начальником войск карфагенян в Сицилии, когда римляне и карфагеняне сражались друг с другом из-за этого острова². *Ввиду распространявшегося* мнения, что он плохо вел дела, он подвергался преследованиям со стороны врагов и, боясь исхода суда, устроил так, что до сдачи отчета о своих действиях он был выбран полководцем против номадов. Оказавшись же полезным в этой войне и ублажив войско грабежами и подарками, он повел его без разрешения общины карфагенян к Гадейрам и переправился через пролив в Иберию³, откуда он стал посылать богатую добычу в Карфаген, ублаживая народ, чтобы, если возможно, он не сердился на него за командование в Сицилии, а так как он приобрел большую область, слава его была велика, и он внушил карфагенянам желание овладеть всей Иберией, как будто это было легким делом. Закинфяне⁴ же и все другие эллины, бывшие в Иберии, прибегают к помощи римлян, и карфагенянам определена граница их владений в Иберии: они не должны переходить реки Ибера; и это было вписано в договор между римлянами и карфагенянами⁵. После же этого, организовав находящуюся под властью карфагенян Иберию, Барка гибнет, пав в каком-то сражении⁶, и полководцем после него становится Гасдрубал, зять Барки. Последнего на охоте убивает⁷ какой-то слуга⁸, господина которого Гасдрубал казнил.

3. ⁹ Третьим после них полководцем в борьбе с иберами провозглашается войском вот этот Ганнибал, считавшийся воинственным и опытным в военных делах; он был сыном Барки и братом жены Гасдрубала; он был очень юным и еще как подросток постоянно находился при отце и зяте. И народ карфагенян постановил вручить ему командование¹⁰. Таким образом, Ганнибал, о котором я пишу дальше, становится полководцем карфагенян в области иберов; когда же враги Барки и Гасдрубала стали преследовать их друзей и презирали этого Ганнибала, как еще слишком молодого, Ганнибал, полагая, что это начало похода против него, и счи-

¹ В честь богини *Vona Dea* (Cic., ad Att., I, 12, 3).

² В I Пуническую войну, в 246—241 гг. до н. э.

³ В 237 г. до н. э. (ср. Polyb., II, 1, 5).

⁴ Сагунтинцы.

⁵ Ср. Polyb., II, 13, 7.

⁶ При осаде Гелики (Diod., XXV, 14) в 229/8 г. до н. э.

⁷ В 221 г. до н. э. (Liv., XXI, 2, 3).

⁸ Кельтский раб (по Polyb., II, 35, 2).

⁹ 220 г. до н. э.

¹⁰ Тотчас же после смерти Гасдрубала, т. е. в 221 г. до н. э. (Polyb., II, 36, 1).

тая, что лично он будет в безопасности, если его отечество будет испытывать страх, стал приходиться к мысли свергнуть их в какую-либо великую войну. Он предполагал, как это и оказалось на деле, что война между римлянами и карфагенянами будет длительной, ему же принесет великую славу сама попытка, даже если бы случилось, что он потерпит в ней неудачу; говорили, что когда он был еще мальчиком, отец заставил его поклясться у алтарей, что он никогда не перестанет вредить римлянам. Ввиду всего этого он задумал в нарушение договора перейти Ибер, и для того, чтобы иметь предлог, он подговорил некоторых выступить обвинением против закинфян¹. Написав об этом тотчас же в Карфаген и прибавив, что римляне тайком возбуждают Иберию к отпадению от них, он получил от карфагенян разрешение действовать, как он найдет нужным. И вот, перейдя Ибер, он до основания разрушил город закинфян, вследствие чего был нарушен договор между римлянами и карфагенянами, заключенный ими после войны в Сицилии.

4.² Все, что сделали в Иберии сам Ганнибал и бывшие после него другие полководцы карфагенян и римлян, излагается в книге об Иберийских войнах;³ на вербовав дополнительно как можно больше воинов из кельтиберов, ливийцев и других народов и передав наблюдение за Иберией брату своему Гасдрубалу, он перешел через Пиренейские горы в страну кельтов, ныне называемую Галатией⁴, ведя с собой девяносто тысяч пехотинцев, до двенадцати тысяч всадников и тридцать семь слонов. Из галатов одних подкупив, других уговорив, иных же принудив силой, он прошел через их страну. Подойдя к Альпийским горам и не находя ни одной дороги, по которой он мог бы пройти или подняться на горы (так как они очень отвесны), он все же, исполненный смелости, взобрался и на них; сильно страдая от глубокого снега и холода, рубя и поджигая лес, золу же поливая водой или уксусом и ставшие вследствие этого ломкими скалы разбивая железными колунами, он проложил себе таким образом дорогу, по которой и теперь ходят через горы и которая называется проходом Ганнибала. Поскольку у него уже ощущался недостаток в продовольствии, он стал торопиться, причем ему удавалось скрыть все это от римлян до тех пор, пока он не прибыл в Италию; с трудом лишь на шестой месяц, после того как он двинулся из Иберии, потеряв многих, он спустился с гор на равнину.

II, 5. Передохнув немного, он напал на Таврасию, город кельтов. Взяв его штурмом, он для устрашения остальных кельтов перебил пленных и, придя к реке Эридану, ныне называемому Падом, где римляне воевали с кельтами, именовавшимися бойями⁵, стал лагерем. Римский консул Публий Корнелий Сципион⁶, воевавший с карфагенянами в Иберии, узнав о вторжении Ганнибала в Италию, тоже⁷ оставив своего брата Гнея Корнелия Сципиона для устройства дел в Иберии, переплыл в Тиррению; двинувшись оттуда и собирая по дороге сколько мог союзников, он успел раньше Ганнибала подойти к Паду⁸. Он отправил в Рим Манлия⁹ и Атилия¹⁰, которые воевали с бойями, так как в присутствии консула им уже не полагалось командовать; сам же, взяв от них войско, стал выстраи-

¹ Сагунтинцев; 219 г. до н. э.

² 218 г. до н. э.

³ См. Ib., 1 сл.

⁴ Т. е. Галлией.

⁵ См. Celt., 1; III., 8.

⁶ Сын Луция Корнелия Сципиона, консул 218 г. до н. э.

⁷ Подобно Ганнибалу.

⁸ И его перейти.

⁹ Луций Манлий Вульсон, претор 218 г. до н. э.

¹⁰ Гай Атилий Серран, претор 218 г. до н. э.

вать его для сражения с Ганнибалом. Когда произошел бой¹ легковооруженных и всадников, римляне, окруженные ливийцами, бежали в лагерь и с наступлением ночи удалились в сильно укрепленную Плаценцию, перейдя Пад по мостам и разрушив их за собой. В свою очередь и Ганнибал, перекинув мосты через реку, перешел ее.

6. Это дело, совершившееся почти непосредственно после перехода Альпийских гор, сразу подняло у живущих там кельтов славу Ганнибала как непобедимого полководца и человека, пользующегося блестящим счастьем. Так как это были варвары, а кроме того исполненные к нему благоговейным страхом, Ганнибал, считая, что их можно обмануть по этим двум причинам, каждый день менял одеяние и прическу волос, постоянно прибегая все к новым и новым² выдумкам; когда он проходил среди народов, кельты, видя его то стариком, то юношей, то человеком средних лет, постоянно меняющим свой облик, удивляясь, считали, что он причастен божественной природе.

Второй консул Семпроний³, будучи в это время в Сицилии и узнав о происшествии, прибыл на кораблях к Сципиону и стал лагерем на расстоянии сорока стадиев⁴ от него. Они намеревались на следующий день вступить в сражение. Между противниками протекала река Требия, которую римляне перешли до рассвета, погрузившись по грудь, а это было время зимнего солнцестояния, шел дождь и было холодно. Ганнибал же велел войску отдыхать до второго часа дня⁵ и только тогда вывел его в сражение.

7. Боевой строй обеих войск был следующий: конница и того и другого консула⁶ занимала крылья по обе стороны фаланги пехотинцев. Ганнибал против всадников поставил слонов, а против фаланги (τῆ δὲ φάλαγγι)⁷— пехотинцев; всадникам же он велел держаться спокойно позади слонов, пока он сам не даст им какого-либо приказа. Когда все вступили в бой, кони римлян бросились прочь от слонов, не вынося ни вида их, ни запаха. Пехотинцы же, хотя они и были измучены и вялы от холода, перехода через реку и бессонницы, однако смело напали на зверей, стали наносить им раны, а некоторые даже подрезали жилы и уже заставили вражеских пехотинцев отступать. Увидев это, Ганнибал дал коннице приказ зайти врагам в тыл. Так как римские всадники только что были рассеяны слонами и пехотинцы остались одни, причем попали в тяжелое положение и боялись окружения, отовсюду началось бегство в лагери. И некоторые римские воины погибли, настигнутые, как пехотинцы, всадниками, другие — вследствие поднявшихся вод реки: так как солнце растопило снег, река текла громадным потоком и нельзя было ни стать вследствие глубины, ни плыть вследствие тяжести оружия. Следуя за ними и заклиная их остановиться, будучи сам ранен⁸, Сципион едва не погиб и с трудом спасся в Кремену, унесенный туда на руках. Недалеко от Плаценции была небольшая стоянка для кораблей, напав на которую Ганнибал потерял четыреста воинов и сам был ранен⁹. С этого времени все стали на

¹ Имеется в виду сражение при Верцеллах (L i v., XXI, 45, 3; P o l y b., X, 3.).

² Конъектура Негманп'а.

³ Тиберий Семпроний Лонг, консул 218 г. до н. э. (P o l y b., III, 41, 2 сл.; L i v., XXI, 17, 1 сл.).

⁴ 8 км.

⁵ 7 часов утра.

⁶ Вставка по конъектуре Schweighäuser'a.

⁷ Т. е. легионов.

⁸ Эта рана была им получена (P o l y b., X, 3, 4; L i v., XXI, 45, 3 сл.) при Верцеллах.

⁹ Речь идет о сражении у гавани Плаценции зимой 218—217 гг., ср. L i v., XXI, 57.

зимние *квартиры*: Сципион в Кремоне и Плаценции, Ганнибал — около Пада.

8. Римляне, находившиеся в городе, узнав о *происшедшем* и в третий раз уже потерпев поражение около Пада (ведь еще до Ганнибала они были побеждены боями), стали собирать другое войско из своей *среды* с тем, чтобы с находящимися около Пада было тринадцать легионов, и от союзников потребовали вновь воинов в двойном количестве. Уже тогда легион у них имел пять тысяч пехотинцев и триста всадников¹. Из этих одних они послали в Иберию, других — в Сардинию, так как и там шла война, третьих — в Сицилию. Но большинство вела против Ганнибала выбранные после Сципиона и Семпрония консулами Гней Сервилий и Гай Фламиний². Из них Сервилий, поспешивший к Паду, принял командование от Сципиона (Сципион, назначенный проконсулом, отплыл в Иберию)³, Фламиний же с тридцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников⁴ охранял Италию, расположенную внутри Апеннинских гор, которую одну и следовало бы назвать собственно Италией. Апеннины выходят из середины Альп по направлению к морю, и все то, что лежит направо от них, является настоящей Италией, то же, что налево и склоняется к Ионийскому⁵ морю, теперь и это — Италия, потому что и Тиррениа⁶ стала теперь Италией, но одни из ее областей, по обе стороны Ионийского полуострова, населены эллинами, а остальные — кельтами, теми, которые впервые, напав на Рим, сожгли город. Когда же, изгоняя их, Камилл преследовал кельтов до Апеннинских гор, они, как мне кажется, перешли через эти горы, вместо своей родины поселились у Ионийского моря; и эту часть страны еще и теперь так называют — Галатская Италия⁷.

9. Итак, римляне разделили значительные свои военные силы на много частей и вели одновременно войну в разных местах; заметив это, Ганнибал с началом весны, ускользнув от противников (*ἄλλους*)⁸, стал опустошать Тиррению и постепенно приближался к Риму. Когда он стал подходить ближе, римлян охватил страх, так как у них не было боеспособного войска. Однако из оставшихся граждан они вооружили восемь тысяч, во главе их поставили Центения, одного из выдающихся частных лиц, так как никакого начальства не было налицо, и послали его в страну омбриков к Плейстинскому⁹ озеру, чтобы он занял узкие проходы, которые представляют собой ближайшую дорогу к Риму. В то же время и Фламиний, охранявший с тридцатью тысячами войск внутреннюю Италию, заметив быстроту Ганнибала, быстро, не давая отдыха войску, переменял свою позицию. Отчасти боясь за город, да и сам будучи неопытным в военном деле, избранный на эту высокую должность¹¹ благодаря заискиваниям перед народом, он торопился вступить в сражение с Ганнибалом.

¹ Ср. Liv., XXI, 17, 3; XXII, 36, 2; Polyb., III, 107, 10.

² 217 г. до н. э. Гней Сервилий Гемин (Liv., XXII, 1, 4) и Гай Фламиний во второй раз; его первый консулат — в 223 г. до н. э. (RE, VI, 2, 2497).

³ Назначение Сципиона в Испанию состоялось еще в 218 г., но поход Ганнибала заставил его вернуться назад. В 217 г. события в Италии вынудили сенат к продлению его консульских полномочий (Liv., XXII, 22, 1; ср. Polyb., III, 97, 1 сл.).

⁴ Ср. Liv., XXII, 7, 2; Polyb., III, 84, 7; 85, 1.

⁵ Т. е. Адриатическому.

⁶ Т. е. Этрурия.

⁷ Цизальпийская Галлия, или Gallia Citerior латинских авторов, организованная в самостоятельную провинцию во времена Суллы.

⁸ Непонятное чтение рукописей *ἄλλους* Schweighäuser заменяет словом *πολεμίου* — «врагов», Mendelssohn — более удачным *ἀντιπάλους* — «противников».

⁹ Т. е. умбров.

¹⁰ Конъектура Cluver'a: «к Перусине». Плейстинское озеро локализуется близ современного городка Плестья в Умбрии.

¹¹ Консула.

10. Последний, заметив его поспешность и неопытность, укрылся за некоей горой и озером¹ и, скрыв легковооруженных и всадников в горном проходе, разбил лагерь. Фламиний, увидя его на рассвете, немного приостановился, давая войску отдохнуть от марша, пока он укрепит лагерь, после же этого тотчас повел их, страдавших от бессонницы и *тяжелого* труда, в битву. Но когда появились из засады *враги*, Фламиний, оказавшись в середине между горой, озером и врагами, погиб и сам, и с ним двадцать тысяч *воинов*. Остальных *в числе* десяти тысяч, бежавших вместе в какое-то укрепленное местечко, помощник Ганнибала Магарбал, тоже имевший величайшую славу как полководец, не имея возможности легко захватить *их силой* и не считая нужным сражаться с отчаявшимися, убедил сложить оружие, обещав отпустить, куда *они* хотят. Когда *они* сложили *оружие*, он, взяв их, безоружными привел к Ганнибалу. Тот же, сказав, что Магарбал не был уполномочен без него заключать такой договор, тех *из пленных, которые были* из числа союзников, проявив чрезвычайную доброту, отпустил домой, стремясь *таким* человеколюбием привлечь *их* города, тех же, которые были из римлян, стал содержать в оковах². Отдав добычу участвовавшим вместе с ним в походе кельтам, чтобы и их привлечь этой выгодой, он двинулся дальше, в то время как стоявший в *области* Пада полководец Сервилий, узнав уже о произошедшем, с сорока тысячами поспешил в Тиррению³, а Центений с восемью тысячами занял уже ущелье.

11. Ганнибал, увидев *перед собой* Плейстинское озеро и над ним гору и Центения, овладевшего горным проходом между ними, стал старательно расспрашивать проводников, нет ли какого-либо обходного пути. Когда *они* сказали, что *торной* дороги никакой нет, но все *только* кручи и ущелья, он все же послал этим *путем* легковооруженных и с ними Маргабала, чтобы ночью обойти гору. Прикинув, что *они* могли *уже* обойти гору, Ганнибал напал на Центения с фронта⁴. Когда с *обеих сторон* начался бой⁵, Магарбал, проявив особое рвение (*πάνυ προθύμως*), показался на вершине горы над ними и поднял боевой клич. Тотчас же началось бегство римлян и избитые попавших в окружение: три тысячи пало, восемьсот попало в плен; остальным с трудом удалось бежать. Бывшие в городе, узнав о *случившемся* и испугавшись, как бы Ганнибал немедленно не подошел к городу, стали сносить камни на стену и вооружать стариков; испытывая же недостаток в оружии, они стали брать из святилищ *взятое как* добычу в прежних войнах *оружие*, висевшее в них *как* украшение; и, как *это бывало* в *минуты* крайней опасности, *они* выбрали диктатором Фабия Максима⁶.

III, 12. Но Ганнибал, которого бог отвратил от этого намерения, повернул опять к Ионийскому морю и, идя по побережью, все предавал опустошению, забирая большую добычу. Консул Сервилий, следуя параллельно за ним, прибыл в Аримин, находясь на один день пути от Ганнибала; там он задержал *свое* войско и ободрил дружественных еще кельтов, пока диктатор Фабий Максим⁷, прибыв *туда*, не отослал Сервилия в Рим, так как по избрании диктатора *тот* не был уже ни консулом, ни полководцем, сам же, следуя по пятам за Ганнибалом, не вступал с ним в сражение, *хотя* тот часто его вызывал на это, но не позволял Ганнибалу

¹ Тразименским.

² Ср. Polyb., III, 85, 9 сл.; Liv., XXII, 6, 12.

³ Этрурию.

⁴ Ср. выше, 9, и прим.

⁵ Mendelssohn предлагал отнести *πάνυ προθύμως* к этому «бою». Тогда перевод: «когда с обеих сторон начался бой с большим воодушевлением, Магарбал показался на вершине горы...»

⁶ Квинт Фабий Максим Веррукос, прозванный Кунктатором.

⁷ Ср. Polyb., III, 88, 8.

осаждать какой бы то ни было город, сторожа и мешая ему. Так как страна была опустошена, то Ганнибал стал испытывать недостаток в продовольствии, и, опять обходя ее, каждый день выстраивал войско в боевом порядке, вызывая на бой противника. Но Фабий не вступал с ним в сражение, хотя Минуций Руф, который был у него начальником конницы, порицал его и даже писал в Рим друзьям, что Фабий медлит со сражением вследствие своей трусости. Когда Фабий временно отлучился в Рим ради каких-то жертвоприношений, Минуций, начальствуя над войском, завязал как-то битву с Ганнибалом и, считая, что он победил, тем решительнее написал донесение в Рим сенату, обвиняя Фабия, что он не хочет победить. И сенат постановил, когда Фабий уже вернулся в лагерь, чтобы начальник конницы имел с ним одинаковую власть¹.

13. И вот они, поделив войско, располагались лагерями близко друг от друга, причем каждый оставался при своем мнении: Фабий считал, что Ганнибала надо истощить промедлением и попытаться не испытывать от него никаких поражений, Минуций — что надо решить дело битвой. Когда Минуций вступил в битву, Фабий, предвидя, что случится, поставил свое войско неподвижно поблизости и воинов Минуция, обращенных в бегство, принимал под свою защиту, воинов же Ганнибала, преследовавших бегущих, оттеснил. Фабий этим облегчил для Минуция постигшее его несчастье, нисколько не питая на него зла за клевету². Минуций же, сознав свою неопытность, сложил власть и свою часть войска передал Фабию³, который считал, что для вступления в битву с человеком, который является мастером военного дела, есть одно только обстоятельство: необходимость. Об этом впоследствии часто вспоминал Август, который и сам не любил быстро решаться на сражения, предпочитая пользоваться скорее искусством, чем смелостью. Фабий опять, как и прежде, сторожил Ганнибала и мешал ему опустошать страну, не вступая с ним в сражение всем войском, но нападая только на рассеявшихся отдельными отрядами фуражиров и вполне определенно зная, что скоро Ганнибал будет испытывать недостаток продовольствия.

14. Когда оба войска приблизились к узкому горному проходу⁴, которого Ганнибал не предвидел, Фабий, послав вперед четыре тысячи воинов, занял его, а сам с остальными стал лагерем на укрепленном холме с другой стороны. Ганнибал же, когда заметил, что он попал в середину между Фабием и теми, которые стерегли теснины, почувствовал страх, как никогда раньше: он не видел никакого другого прохода — все состояло из отвесных и непроходимых скал, и он не надеялся победить Фабия или стоящих у теснин ввиду укрепленности их позиций. Находясь в таком безвыходном положении, Ганнибал перерезал бывших у него числом до пяти тысяч пленных, чтобы они в момент опасности не подняли восстания, быкам же, которые у него были в лагере (а их было большое количество), к их рогам он привязал факелы и, с наступлением ночи зажегши эти факелы, другие огни в лагере потушил и велел хранить глубокое молчание, самым же смелым из юношей приказал гнать быков со всей поспешностью вверх на те крутизны, которые были посередине между лагерем Фабия и ущельем. Быки подгоняемые гнавшими их, а также из-за огня, который их жег, обезумев, из всех сил лезли на крутизны, потом падали и снова лезли.

¹ Марк Минуций Руф, приданный Фабию в качестве начальника конницы не обычным образом, по назначению самого диктатора, а по определению народного собрания (συνάρχων еще до битвы при Геронии, Polyb., III, 87, 9; Liv., XXII, 8, 6; ср. Polyb., III, 103, 8).

² Ср. Polyb., III, 104 сл.

³ См. Liv., XXII, 29, 7 сл.; 30; Plut., Fab., 13, 1 сл.; Polyb., III, 106, 1.

⁴ Ср. Polyb., III, 92, 10 сл.

15. Римляне и с той и с другой стороны, видя, что в лагере Ганнибала темно и тихо, а в горах много всяких огней, не могли, как это бывает ночью, точно понять, что происходит. Фабий подозревал здесь какую-то хитрость Ганнибала, но не мог разгадать ее, держал войско неподвижно, считая, что ночью все подозрительно, стоявшие же в теснинах предположили, чего и хотел Ганнибал, а именно что он, *попав* в затруднительное положение, бежит, пробиваясь вверх по кручам; поэтому они покинули свои места и бросились туда, где появлялся огонь, рассчитывая захватить там Ганнибала, которому приходилось плохо. Как только Ганнибал увидел, что они спустились из теснин, он быстро бросился в эти теснины с самыми быстрыми из своих воинов, без света в полном молчании, чтобы остаться незамеченным; захватив их и укрепившись там, он дал знак трубой, и лагерь ответил ему громким криком, и внезапно всюду появился огонь. Только тогда римляне заметили обман; остальное же войско Ганнибала и те, которые гнали быков, безболезненно прошли к теснинам. Собрав их, он двинулся дальше. Так, сверх ожидания, Ганнибал тогда уцелел и сам и спас свое войско, и, двинувшись в Геронию¹, находившуюся в Япигии, которая была полна хлебом, взял ее и, имея всего в избытке, спокойно зимовал.

16. Фабий, и после этого продолжая придерживаться своей тактики, следовал за ним и стал лагерем на расстоянии десяти стадий от Геронии, имея между собой и Ганнибалом реку Ауфид². Так как окончились шесть месяцев, на которые римляне выбирают диктаторов, то консулы Тервиллий и Атилий³ вернулись к исполнению своих обязанностей и пришли в лагерь, а Фабий отбыл в Рим⁴. В течение этой зимы у Ганнибала и у римлян были постоянные стычки между легковооруженными; и в них римляне оказывались более счастливыми, более храбрыми. Ганнибал всегда сообщал карфагенянам о происходящем, преувеличивая свои успехи, но тогда, так как у него погибло много воинов, он почувствовал недостаток в людях и просил войска и денег. Но враги, преследовавшие злыми насмешками все начинания Ганнибала, и тогда язвительно ответили, что они не понимают, в чем дело, ведь побеждающие не просят денег, но посылают их на родину, а Ганнибал просит, говоря в то же время, что побеждает. Под их влиянием карфагеняне не посылали ему ни войска, ни денег, и Ганнибал, оплакивая это, писал в Иберию своему брату Гасдрубалу, убеждая его в начале лета с войсками, какие только он может набрать, и деньгами вторгнуться в Италию и опустошить северные ее части, чтобы вся она была предана разграблению и римляне были ими поставлены в тяжелое положение с обеих сторон.

17. В таком положении были дела Ганнибала, римляне же, глубоко уязвленные размерами поражения Фламиния и Центения⁵, как претерпевшие нечто недостойное их и противное разуму и ужасное, и вообще не желая переносить войну, которая велась на их территории, полные гнева против Ганнибала, набрали в Риме четыре легиона воинов и отовсюду собирали союзников, направляя их в Япигию⁶. Они выбрали консулами за военную славу Луция Эмилия, перед тем воевавшего с иллирийцами, а за заискивание перед народом — Теренция Варрона, который с обычным

¹ Геруний, или Героний, других авторов (P o l y b., V, 103, 10), в Апулии (L i v. XXII, 13, 39), близ современного Каstell Драгонара.

² Также Ауфидий (P t o l., III, 115), главная река Апулии, современная Офанто.

³ Марк Атилий Регул, назначенный Фабием на место умершего Фламиния. Ср. L i v., XXII, 26, 7; P o l y b., III, 106, 2.

⁴ В начале 216 г. до н. э. (P o l y b., III, 106, 1).

⁵ См. выше, 10 сл.

⁶ 216 г. до н. э.

для него тщеславию давал им много обещаний. А когда консулов провозжали на войну, их просили решить войну битвой и не истощать государство долго *затянувшейся войной*, непрерывной военной службой, *денежными* взносами, голодом и бесплодием опустошенной земли¹. Они, взяв с собой войско, *находившееся* в Япигии, и имея всего семьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников, стали лагерем около одной деревни, называемой Каннами². Ганнибал разбил лагерь напротив римлян³. Будучи по природе воинственным и не вынося бездействия, особенно в это время, под давлением недостатка *во всем*, Ганнибал постоянно выстраивал войско для битвы, боясь, как бы наемники не перебежали из-за неуплаты жалованья или не разбрелись, добывая продовольствие. Поэтому он вызывал неприятелей *на сражение*.

18. Точка зрения консулов была следующей: Эмилий полагал, что надо медлить, истощая Ганнибала, *который* не будет в состоянии дальше выдержать вследствие недостатка *продовольствия*, и не вступать в сражение с полководцем и войском, вышколенным войнами и счастьем⁴, Теренций же, как *и полагается человеку*, заискивающему перед народом, полагал, что надо помнить о том, что наказал им народ, *когда они* отправлялись на войну, и возможно скорее решить *войну* битвой. К мнению Эмилия присоединялся консул прошлого года Сервилий, еще оставшийся *при войске*, к Теренцию же — все находившиеся в войске сенаторы и так называемые всадники⁵. Они спорили друг с другом, а Ганнибал, напав на вышедших за сеном или дровами, притворно сделал вид, что он побежден, и вот во время последней стражи⁶ двинул всю массу *войска*, как будто решил отступить. Видя это, Теренций вывел войско, чтобы *преследовать* бегущего Ганнибала, *хотя* Эмилий и тогда отговаривал его от этого намерения. Но *так* как он не послушался, Эмилий *сам* по себе стал производить птицегадания⁷, как это в обычае у римлян, и, послав к находившемуся уже в пути Теренцию, сказал, что день оказывается неблагоприятным. Тот вернулся, боясь *показать*, что он не повиновался птицегаданиям, но на глазах *всего* войска рвал *себе* волосы и негодовал, как лишенный победы вследствие зависти *своего* сотоварища: И *все* войско негодовало вместе с ним.

IV, 19. Потерпев неудачу в *своей* попытке, Ганнибал тотчас же вернулся в лагерь, чем и открыл *свой* коварный план; однако и это не научило Теренция относиться с подозрением *ко* всем действиям Ганнибала, но, как он был в оружии⁸, ворвавшись в преторий⁹, к тому же в присутствии членов сената, примиплариев (*τὰξίαρχων*) и военных трибунов, он обвинял Эмилия, что *тот* воспользовался птицегаданиями как предлогом и лишил Рим явной победы, уклонившись из-за трусости или завидуя ему из-за соперничества. Когда он так кричал, *охваченный* гневом, стоявшее вокруг палатки войско слушало и поносило Эмилия. Последний напрасно приводил разумные доводы *находящимся* внутри палатки, но так как на

¹ Английский переводчик юмизмует: «И бездействием вследствие опустошения полей» (?).

² В Апулии, на правом берегу Ауфиды, недалеко от Адриатического побережья. По Полибий (III, 107, 9 сл.), римляне имели под Каннами около 90 000 войска, по Ливию (XXII, 26, 3) — 87200.

³ Ганнибал занимал акрополь Канн (P o l y b., III, 107, 2).

⁴ Ряд конъектур: Schweighäuser: «вышколенным войной и возгордившимся победами»; Nauck: «вступать в сражение с этим храбрым войском, вышколенным...»

⁵ Т. е. представители всаднического сословия.

⁶ 3—6 часов утра.

⁷ Ауспicii.

⁸ Эти слова у некоторых ученых вызывают сомнения:

⁹ Палатку консула.

сторону Теренция, кроме Сервилия, стали все остальные, он уступил. И на следующий день он сам выстроил войска, предводительствуя ими, ибо Теренций уступил ему это право. Ганнибал это заметил, но тогда не вышел против них (так как еще не сделал надлежащих распоряжений для битвы), на следующий же день оба войска спустились в равнину. Римляне были построены в три ряда, отстоящих друг от друга на небольшое расстояние, причем каждая часть их имела пеших в центре, а легковооруженных и всадников — с обеих сторон. Полководцы же стояли так: в центре Эмилий, на левом фланге Сервилий, Теренций же — с теми, которые стояли на правом фланге, каждый имел при себе по тысяче отборных всадников, чтобы они помогли попавшим в затруднительное положение. Так построились римляне.

20. Ганнибал, зная прежде всего, что в этой местности регулярно около полудня начинал дуть юго-восточный ветер, подымавший тучи пыли, занял такое место, где ветер дул бы им в спину; затем он заранее поместил в засаду на холм, поросший кустарником и изрезанный оврагами, всадников и легковооруженных, которым приказал, когда фаланги¹ столкнутся и завяжется горячее дело и когда начнет дуть ветер, оказаться в тылу у неприятелей. А пятистам кельтиберам он велел вдобавок к длинным мечам надеть под одежду другие, более короткие мечи, сказав, что он сам, когда нужно, даст знак, что им делать. Все войско и он разделил на три части и всадников поставил на флангах широко растянутым строем, чтобы, если будет возможность, окружить врагов. На правом крыле он поставил брата своего Магона, на другом — племянника Ганнона; середину же он занял сам, так как ему была известна опытность Эмилия. С ним было две тысячи отборных всадников, а Магарбал, имея тысячу других, остался в резерве, чтобы помочь, если увидит, что свои попали где-нибудь в затруднительное положение. Действуя так, он затягивал время до второй половины дня (ἐς δευτέραν παρέτεινεν ὥραν)², ожидая, чтобы поскорее начался ветер.

21. Когда и на той и на другой стороне все было приведено в надлежащий порядок, полководцы объезжали ряды, воодушевляя своих, и напоминали: о родителях, детях и женах, о бывших раньше поражениях, и говоря, что в этой битве будет решаться вопрос об их спасении; Ганнибал же напоминал о прежних победах над этими же людьми, говоря, что позорно позволить побежденным победить своих победителей. Когда же зазвучали трубы и фаланги подняли крик, сперва легковооруженные стрелки, пращники и камнеметатели с обеих сторон, выбежав на середину, начали между собой сражение, после же них двинулись в бой и фаланги. Много тут было и крови и поту, так как с обеих сторон сражались с воодушевлением. В это время Ганнибал дает знак всадникам окружить вражеские фаланги, но римские всадники, хотя их было меньше, чем врагов, храбро сопротивлялись им и, растянув свой строй так, что он стал очень тонким, тем не менее бились очень решительно, и особенно те, которые стояли на левом фланге по направлению к морю. Поэтому Ганнибал и Магарбал вместе пустили на них тех всадников, которых имели вокруг себя, считая, что они своим ужасным варварским криком устрашат противников. Но те и этих встретили твердо и без страха.

¹ Т. е. тяжеловооруженная пехота обоих войск.

² Английский переводчик переводит: «около второго часа», т. е. примерно в восьмом часу утра; в этом случае у Аппиана получается противоречие с началом главы, где он указал, что душливый ветер, которого ждал Ганнибал, подымается около полудня.

22. *Поскольку* и эта попытка потерпела неудачу, Ганнибал дал знак пятистам кельтиберам¹. Они, выбежав из строя, бросились к римлянам и протягивали им щиты, копья и мечи, которые *были у них* на виду, как будто они были перебежчиками. Сервилий, похвалив их, тотчас взял у них оружие и поставил их назад в одной, как *он* думал, одежде; *он* не считал целесообразным связывать перебежчиков на глазах врагов и не подозревал *их*, видя *их* в одних хитонах, да и времени подходящего не было среди такого напряжения боя. Другие отряды ливийцев, подняв сильный крик, сделали вид, что *они* бегут к горам. Этот крик был знаком для скрывавшихся в оврагах, чтобы *они* бросились на преследующих. И тотчас же легковооруженные и всадники показали из засады; одновременно поднялся сильный и удушливый ветер, с тучей пыли, дуя в лицо римлян; и это мешало им более всего видеть, что *делается* впереди у врагов. И удары копий и стрел у римлян во всех отношениях были слабее из-за противного ветра, у врагов же удары были более меткими, так как ветер подталкивал бросаемое ими оружие. Римские же солдаты, не видя *ничего* перед собой, не могли ни уклоняться от ударов, ни сами как следует бросать, сталкиваясь друг с другом; *их* ряды приходили в полное замешательство.

23. Тогда, видя, что наступил указанный им момент, те пятьсот кельтиберов, вытащив из-за пазух короткие мечи, убили первыми тех, позади кого они стояли; затем, схватив их более длинные мечи, щиты и копья, они напали по всей линии, устремляясь от одних на других, не щадя себя; и они-то и произвели главным образом наибольшее избиение, так как стояли позади всех. Большие и ужасные беды поразили тогда римлян: с фронта их теснили враги, с флангов они были окружены бывшими в засаде и избивались неприятелями, перемешивавшимися с ними. Они не могли повернуться против последних из-за наступавших на них с фронта, да и узнать их было не легко, так как у них были римские щиты. Сверх всего прочего римлянам особенно мешала пыль, так что они даже не могли понять, что происходит, но, как бывает при замешательстве и страхе, им все представлялось в больших размерах: им казалось, что и бывших в засаде было гораздо больше, также и относительно пятисот: хотя они знали, что их пятьсот, но им казалось, что все римское войско окружено всадниками и перебежчиками; и вот, повернув тыл, они беспорядочно побежали; первыми те, которые были на правом фланге, причем Теренций сам показал им пример к бегству; после же них — стоявшие на левом фланге, начальник которых Сервилий бросился к Эмилию, и около них собрались все лучшие из всадников и пехотинцев, около десяти тысяч.

24. Полководцы, а за ними все, которые были на конях, соскочив с коней, стали сражаться пешими, окруженные всадниками Ганнибала. И много блестящих подвигов совершили они, будучи опытными и храбрыми и, находясь в безнадежном положении, нападая на врагов, исполненные гнева; их истребляли отовсюду, и, разезжая верхом вокруг них, Ганнибал то подстрекал своих, призывая покончить с этим остатком, чтобы довершить свою победу, то стыдил и упрекал, что, победив такое множество, они не могут одолеть немногих. Римляне же, пока с ними были Эмилий и Сервилий, и нанося сами удары и терпя большой урон, все же оставались в строю; когда же пали их полководцы, они, сильным натиском пробившись через середину врагов, стали разбегаться в разные стороны, одни — в лагери, которых было два, куда уже собрались бежавшие до них; и всех их оказалось около пятнадцати тысяч: Ганнибал,

¹ См. выше, 20.

окружив лагерь, приставил к ним стражу; другие — около двух тысяч — бежали в Канны. Эти две тысячи сдались Ганнибалу. Немногие бежали в Канусий, а остальные в одиночку рассыпались по лесам.

25. Таков был конец битвы Ганнибала и римлян при Каннах, начавшейся немного позднее второго часа¹, закончившейся же незадолго до двух часов ночи²; она еще и ныне известна у римлян как великое бедствие, так как в эти часы у них погибло пятьдесят тысяч³, большое число было взято в плен живыми, погибли многие и из сенаторов и с ними все военные трибуны и центурионы, а из самих полководцев два лучших. Самый же худший, бывший виновником этого несчастья, как только началось бегство, сам первый скрылся. Римляне, воюя уже два года с Ганнибалом в Италии, потеряли из своих граждан и из союзников до ста тысяч человек.

26. Ганнибал, одержав столь блестящую и редкую победу, применив в один день четыре стратегические хитрости: силу ветра, притворный переход перебежчиков, притворное бегство и скрытую в оврагах засаду, тотчас же после боя отправился осматривать убитых и, видя убитыми лучших из своих друзей, застонал и, заплакав, сказал, что ему не нужно другой такой победы. Говорят, что и до него такие же слова сказал Пирр, царь Эпира, который тоже одолел римлян в Италии с подобными же потерями⁴. Из бежавших с поля битвы те, которые собрались в большем лагере, вечером, выбрав себе предводителем Публия Семпрония, прорвались силой через охрану, поставленную Ганнибалом, но заснувшую от усталости, и около полуночи быстро дошли до Канусия в числе около десяти тысяч; пять тысяч же собравшиеся в меньшем лагере, на следующий день были взяты в плен Ганнибалом. Теренций, собрав остатки войска, попытался подбодрить убитых отчаянием и, поставив их начальником Сципиона, одного из военных трибунов, быстро уехал в Рим.

V, 27. В Риме же, когда пришло известие о несчастье, некоторые на улицах оплакивали своих близких, называя их по именам, и с воплями ожидали, что они сами вот-вот будут взяты в плен, женщины с детьми молились в храмах, чтобы наконец прекратились эти несчастья для государства, магистраты жертвоприношениями и обетами старались умиловить богов, умоляя их, если над государством за что-нибудь тяготеет их гнев, чтобы они удовлетворились происшедшим. Сенат послал в Дельфы Квинта Фабия, историка этих событий⁵, чтобы спросить о настоящем положении дел; с разрешения хозяев сенат освободил до восьми тысяч рабов⁶ и велел всем находящимся в городе готовить оружие и луки; даже при таком положении дел сенату удалось собрать некоторое количество воинов из союзников. Клавдия Марцелла, который должен был плыть в Сицилию, сенат, переменив решение, направил на войну с Ганнибалом. Марцелл дал часть флота своему сотоварищу Фурию⁷ и послал его в Сицилию; сам же, ведя рабов и тех, кого и сколько он мог собрать из граж-

¹ 8 часов утра. Ср. выше, 20, где говорится, что сражение началось после полудня.

² 8 часов вечера.

³ По словам П о л и б и я (III, 117, 4), число убитых достигало 70 000 и в плен попало около 10 000 (III, 117, 3). Л и в и й (XXII, 49) насчитывает более 47 000 убитых и 4 500 пленных.

⁴ См. P l u t., Pyrrh., 21.

⁵ Один из древнейших римских анналистов — Квинт Фабий Пиктор, бывший, видимо, во время II Пунической войны одним из децемвиров sacris faciundis (см. L i b., XXII, 57, 5).

⁶ Л и в и й (XXIII, 57, 10) сообщает о наборе 8 000 сильных юношей из рабов, выкупленных на общественный счет ввиду недостатка солдат.

⁷ Марк Клавдий Марцелл, знаменитый полководец, и Публий Фурий Фил — преторы 216 г. до н. э.

дан или союзников, всего до десяти тысяч пехотинцев и две тысячи всадников, двинулся в Теан и следил, что собирается делать Ганнибал.

28. Когда Ганнибал дал пленным позволение отправить в Рим послов относительно их участи: не захотят ли находящиеся в городе выкупить их за деньги. Выбранных пленными трех послов во главе с Гнеем Семпронием заставил поклясться в случае отказа римлян вернуться к нему. Родственники взятых в плен, обступив здание сената, заявляли, что каждый из них выкупит родных за свои деньги, и умоляли сенат разрешить им это, и народ вместе с ними плакал и просил; из сенаторов одни не считали правильным при столь больших несчастьях вредить государству потерей еще стольких граждан, освобождать рабов и пренебрегать возможностью освободить свободных¹, другие же полагали, что не следует такой жалостью приучать солдат к бегству, но заставляя или, сражаясь, побеждать, или умирать, чтобы не могло сложиться убеждение, что беглец может заслужить жалость даже со стороны своих близких. Было приведено много примеров из прошлого для доказательства обоих мнений, и сенат не разрешил родственникам выкупить пленных, полагая, что при многих предстоящих еще опасностях не принесет пользы на будущее проявленное в настоящее время человеколюбие; жестокость же, пусть бы она казалась и печальной, будет полезна для будущего, а в настоящее время смелостью решения поразит Ганнибала. Итак, Семпроний и бывшие с ним двое из пленных вернулись к Ганнибалу. Некоторых из пленных Ганнибал тогда продал, некоторых же, охваченный гневом, велел убить, запрудил их телами реку и по такому мосту перешел через нее. Всех же тех, кто принадлежал к сенаторам или вообще к знатым, он заставил вступить друг с другом в единоборство, отцов с сыновьями, братьев с братьями, не упуская ни одного случая проявить презрительную жестокость, причем ливийцы были зрителями этого зрелища.

29. После этого, придя в область, подвластную римлянам, он опустошил ее и пододвинул осадные машины к Петелии². Петелинов было немного, но они смело вместе с женами выступили против Ганнибала и совершили много славных подвигов. Они постоянно сжигали его машины, причем их жены сражались не менее мужественно, чем они. Становясь после каждого боя все малочисленнее, они больше всего страдали от голода. Заметив это, Ганнибал окружил их линией укреплений и поставил Ганнона³ во главе осады. Осажденные, поскольку их бедственное положение стало затягиваться, сначала выгнали бесполезных для сражений людей в пространство за своими укреплениями и смотрели на них, избиваемых Ганноном, без печали, считая, что, умирая, они получают лучшую долю. На этом же основании и остальные, доведенные до полного истощения, сделали вылазку против врагов, причем они и тогда совершили много славных подвигов, но, не будучи в силах из-за отсутствия пищи и слабости даже вернуться в город, они все были истреблены ливийцами. Ганнон взял город, причем из него бежали при этих обстоятельствах те немногие, которые могли бежать. Римляне, восхищенные их расположением к себе и невероятной решимостью, старательно собрали их, рассеявшихся по разным местам, и в количестве около восьмисот человек вернули и поселили после этой войны вновь на их родине.

30.⁴ Так как всадники-кельтиберы, которые служили наемниками у Ганнибала, блестяще сражались, то римские полководцы в

¹ Некоторые после этого слова прибавляют: «попавших в рабство». Mendelssohn одобряет эту конъектуру.

² Греческая колония в Бруттии на берегу Тарентского залива.

³ Племянника своего, о котором см. выше, 20.

⁴ 215 г. до н. э.

Иберии, попросив у городов, бывших под их властью, столько же (τοσοῦσδε)¹ других всадников, послали их в Италию в противовес тем, которые были там у Ганнибала; они, встречаясь с соплеменниками, поскольку они стали лагерем близко от Ганнибала, привлекали их на свою сторону. Когда многие из них перешли к римлянам, как перебежчики, или просто бежали, то и оставшиеся не были верны Ганнибалу, подозреваемые им и сами подозревая его. Вот с этого-то времени дела у Ганнибала и пошли хуже.

31. Есть город в Давнии—Аргириппы (Ἀργυρίππαι)², который, как говорят, основал Диомед Аргосский. Некто Дасий, считавшийся потомком Диомеда, человек неустойчивый в своих убеждениях и недостойный Диомеда, после того как римляне потерпели около Канн большое поражение, побудил отечество отложиться от римлян к ливийцам³. Тогда же, когда у Ганнибала дела пошли плохо, он тайно верхом съездил в Рим и, введенный в сенат, сказал, что может⁴ исправить ошибку и вновь привлечь город на сторону римлян. Сенаторы же чуть его не убили и тотчас же выгнали из города. Он же, боясь и их и Ганнибала, скитался по стране, а его жену и детей Ганнибал съел живыми, а Аргириппы, так как нашлись другие, сдавшие их, Фабий Максим⁵ взял ночью⁶ и, перебив всех ливийцев, которых нашел там, поставил в городе гарнизон.

VI, 32^b. А Тарент, в котором римляне держали гарнизон, вот каким образом предал Кононей⁷. Кононей привык заниматься охотой и, всегда принося что-либо начальнику римского гарнизона Ливию⁸, сделался поэтому его приятелем. Так как в стране шла война, он сказал, что должно охотиться ночью и ночью приносить добычу. Поэтому, так как ночью ему отпирали ворота, он, условившись с Ганнибалом и взяв у него воинов, одних скрыл в какой-то заросли, вблизи города, другим велел следовать за собой на небольшом расстоянии, а третьим, одетым охотниками, — подойти вместе с ним, надев панцири и мечи под одежду. Дав им нести на шестах кабана, ночью он подошел к воротам. Когда сторожа, как обычно, открыли ему ворота, вошедшие вместе с ним тотчас же убили открывших ворота, а следовавшие за Кононеем спешно ворвались с ними, приняли тех, которые вышли из заросли, и открыли ворота Ганнибалу. Он, войдя внутрь, быстро овладел остальным городом и, привлекая на свою сторону тарентинцев, осадил акрополь, еще охраняемый римским гарнизоном.

33. Вот каким образом Кононей предал Тарент; римлян, которые занимали акрополь, было до пяти тысяч, и к ним присоединились некоторые из тарентинцев; также начальник гарнизона в Метапонте⁹ прибыл сюда с половиной своего гарнизона; у них был большой запас стрел и орудий,

¹ Колебание рукописей (τοσοῦσδε и τοιούσδε): во втором случае перевод: «таких же по качеству».

² Арпы (Ἄρπαι) в Апулии, к востоку от горы Гаргана. Город, по преданию, назван был Диомедом Ἄργυρος Ἴππιος (см. S e r v., ad Aen., XI, 246), откуда будто бы произошло и его другое, нумизматически не засвидетельствованное, наименование Ἀργυρίππαι.

³ 213 г. до н. э.

⁴ Конъектура Nauck³ а: «что исправил...»

⁵ Квинт Фабий Максим, сын Фабия Максима Кунктатора, консул 213 г.; ср. L i v., XXIV, 45, 1 сл.; XXV, 15, 1; F r o n t., Strat., III, 9, 2.

⁶ 213 г. до н. э.

⁷ Под этим именем он фигурирует также у F r o n t., Strat., III, 3, 6; 17,3; у P o l y b., VIII, 26 сл. и L i v., XXV, 7, 10—Филемен.

⁸ В рукописи «Юнию», повидимому, описка, вместо «Ливию», как звучит имя префекта римского гарнизона в Таренте у П о л и б и я (VIII, 27, 7) и Л и в и я (XXV, 7, 20), которые расходятся, однако, относительно его praenomen'a. Полностью имя его засвидетельствовано лишь у L i v., XXVII, 34, 7: Marcus Livius Macatus.

⁹ Греческий город, ахейская колония на Тарентском заливе, на месте современного Торре ди Маре, основанный около 700 г. до н. э.

так что они могли легко со стен отражать Ганнибала. Но и у Ганнибала всего этого было в большом количестве. И так, подведя башни, катапульты и черепахи, он раскачал некоторые из стен, серпами, привязанными к канатам, сорвал зубцы и обнажил стену. Римляне, пуская камни в машины, многие из них уничтожили, петлями отводили серпы, и, часто и внезапно делая вылазки, они всегда возвращались после того, как вносили какой-либо беспорядок в ряды врагов и из них многих убивали. Однажды, заметив, что поднялся сильный ветер, одни стали бросать со стены зажженные факелы, паклю и смолу на машины, а другие, сверх того сделав вылазку, подожгли их. Отказавшись от этой попытки, Ганнибал обложил город укреплениями, кроме той части, которая подходила к морю, так как это было невозможно. И, передав Ганнону¹ руководство осадой, он удалился в область япигов.

34. У тарентинцев есть гавани, обращенные к северу, если въезжать с моря через пролив², причем пролив этот запирается мостами³; тогда они были в руках римского гарнизона, который сам получал продовольствие с моря, а тарентинцам препятствовал снабжаться таким образом. Поэтому тарентинцы испытывали недостаток в продовольствии, пока, придя к ним, Ганнибал не научил их, перекопав проезжую дорогу, которая шла по середине города от гаваней к южному морю, сделать, таким образом, другой проход. Сделав это, они стали получать продовольствие, и, так как римский гарнизон не имел кораблей, тарентинцы своими триэрами, подплывая⁴ под стену, особенно когда не было сильного ветра, вредили римлянам: подвозившееся им продовольствие они отнимали, и римляне стали испытывать в нем недостаток. И когда фурийцы⁵ послали им на кораблях хлеб и триэры для охраны кораблей, тарентинцы и бывшие с ними ливийцы, узнав об этом и устроив засаду, захватили все корабли и с этим хлебом, и с самими людьми. Когда фурийцы стали часто посылать посольства и просили освободить захваченных в плен, тарентинцы старались приходивших к ним привлечь на сторону Ганнибала. И Ганнибал всех фурийцев, которых он имел пленниками, тотчас освободил. Они же силой заставили своих сограждан открыть ворота Ганнону. И вот фурийцы, желая сохранить Тарент для римлян, незаметно сами оказались под властью карфагенян; бывший же в городе римский гарнизон тайно уплыл в Brentesий⁶.

35⁷. Метапонты же, когда их начальник гарнизона ушел в Тарент, уведя половину своих воинов, перебили остальных, уже малочисленных, и присоединились к Ганнибалу. Присоединилась и Гераклея⁸, лежащая между метапонтами и фурийцами⁹, скорее от страха, чем сознательно. Дела Ганнибала вновь стали лучше. В следующем году и некоторые из

¹ См. о нем выше, 20; 29.

² Место считается испорченным и вызвало ряд конъектур и вставок, как кажется, ненужных, если иметь в виду стиль Аппиана.

³ Об этих мостах или мосте, соответствующем современному Понто ди Наполи, соединяющему Маре грандо и Маре пинколо тарентского порта, упоминает Страбон (VI, 278); о существовании его можно заключить также из P o l y b., VIII, 36, 5 сл.

⁴ Добавлено по конъектуре Mendelssohn'a.

⁵ Жители греческой колонии, основанной в 443 г. до н. э. на луканском берегу, у современной Terra Нуова.

⁶ Римский Брундисий (современный Бриндизи), крупный порт на Адриатическом берегу в Калабрии, город саллентинов, позднее колонизованный греками и, по преданию, основанный Диомедом (I u s t., XII, 2).

⁷ 211 г. до н. э.

⁸ Греческий город на Тарентском заливе, к югу от Метапонта, на месте современного Полигоро, основанный тарентинцами (D i o d., XII, 36).

⁹ Переведено по конъектуре; рукописи: «тарентинцами».

луканов *отпали* от римлян; проконсул Семпроний Гракх¹, двинувшись *против них*, воевал с ними. Некий лукан, из тех, которые еще оставались под властью римлян, *по имени* Флавий (Φλάουιος)², считавшийся другом и гостем Гракха, *решил* предать его, убедил его притти в какое-то местечко, чтобы заключить договор с полководцами луканов якобы они раскаялись и хотят дать и получить *обещания* в верности. Ничего не подозревая, Гракх последовал за ним с тридцатью всадниками. Когда же его окружило большое число номадов, появившихся из засады, и Флавий ускакал к ним, Гракх, поняв его предательство, спешившись и совершив много подвигов, был изрублен со всеми своими спутниками, кроме троих: их одних взял в плен Ганнибал, хотя он приложил много усилий, чтобы взять живым римского проконсула. Хотя он так недостойно попал в засаду, но все же, восхищенный доблестью его кончины, Ганнибал похоронил (ἔθαψε) его³, а кости послал римлянам. После этого сам он провел лето в области япигов и старался собрать побольше хлеба.

36. Когда же римляне решили напасть на капуанцев, Ганнибал послал Ганнона⁴ с тысячью пехотинцев и тысячью всадников, чтобы он ночью вошел в Капую. Он и вошел незаметно для римлян, и они с наступлением дня, как только увидели на стенах более многочисленных защитников, поняли происшедшее и тотчас отошли от города, но сперва собрали еще не сжатый хлеб капуанцев и других кампанцев. Когда кампанцы стали на это плакаться, Ганнибал сказал, что он имеет много хлеба в Япигии, и велел, послав за ним, брать, сколько они хотят. Они же послали не только вьючных животных и мужчин, но и женщин и детей, чтобы носить хлеб, не боясь уже ничего во время пути, так как в их область перешел из области япигов Ганнибал и стал лагерем у реки Калора⁵, близ Беневента, жителей которого одних боялись капуанцы, так как те еще оставались союзниками римлян. Но тогда, в присутствии Ганнибала, капуанцы презирали всех.

37⁶. Случилось, что Ганнибал, так как его вызвал Ганнон, ушел в область луканов, оставив большую часть снаряжения в лагере у Беневента с малой охраной; тогда один из римских консулов, командовавших войсками, — а их было два, Фульвий Флакк и Клавдий Аппий⁷ — узнав об этом, напал на кампанцев, переносивших хлеб, и, так как они к этому были не приготовлены, многих перебил, а хлеб отдал жителям Беневента; он взял и лагерь Ганнибала и все заготовленное в нем разграбил и, так как Ганнибал был еще в области луканов, окружил рвом Капую и за рвом обвел всю Капую по кругу стеной. Сделав вне этого укрепления другое, пространство между ними римляне сделали лагерем. Стенные выступы у них были обращены одни в сторону осаждаемых капуанцев, другие — в сторону подступающих извне, причем вид этого лагеря был *наподобие* большого города, имеющего в середине меньший. От внутренней стены кругового укрепления до Капуи расстояние было самое большее два стадия⁸; на этом пространстве каждый день, когда лучшие воины обеи

¹ Тиберий Семпроний Гракх, консул во второй раз в 214 г. до н. э. Поскольку он назван у Аппиана проконсулом, событие это должно относиться к 212 г. до н. э. (L i v., XXV, 17, 3 сл.: ср. K a h r s t e d t, Gesch. d. Karthag., III, 1913, стр. 263).

² U l i v., XXIV, 16, 5, Флав (Flavus); ср. V a l. M a x., I, 6, 8.

³ Текст дает: «похоронил» (ἔθαψε), но, повидимому, тут имеется в виду сожжение.

⁴ Этот Ганнон не идентичен ранее упоминавшемуся племяннику Ганнибала. См. о нем ниже, 43.

⁵ Приток Вольтурна, современная Калоре.

⁶ 212 до н. э.

⁷ Переведено по конъектуре; рукописи говорят о Клавдии и Аннии. Квинт Фульвий Флакк в третий раз и Аппий Клавдий Пульхр, консулы 212 г., полномочия которых были продлены на следующий год для окончания осады Капуи (L i v., XXV, 43, 13).

⁸ 400 м.

сторон вызывали друг друга, происходило много столкновений и схваток, много единоборств, как в театре, окруженном стенами. Некий капуанец, по имени Таврея¹, убежал во время единоборства от одного из римлян — Клавдия Аселла², избавляясь от опасности, пока Аселл, натолкнувшись на стены капуанцев и не имея возможности на полном скаку повернуть коня, не ворвался стремительно через вражеские ворота в Капуу и, проскакав через весь город, не выскочил через другие ворота к римлянам, стоявшим на другой стороне.

38³. И так он спасся, совершенно невероятным образом. Ганнибал же, обманувшись в успехе дела, из-за которого он был вызван в область луканов, обратился к Капуе, считая очень важным, чтобы такой большой и удачно расположенный город не оказался под властью римлян. Напав на круговое укрепление, но ничего не достигнув и не представляя, каким образом можно послать в город или хлеб, или войско, так как никто из тех, кто находился в городе, не мог к нему выйти из-за укрепления, охватывавшего город со всех сторон, он спешно двинулся со всем войском на Рим, узнав, что и римляне уже страдают от голода, а также надеясь, что этим он отвлечет римлян от Капуи или сам сделает нечто большее, чем освобождение Капуи. Стремительным походом пройдя земли многих враждебных народов, из которых одни не могли его удержать, а другие не делали даже попытки сопротивляться ему, он стал лагерем в тридцати двух стадиях⁴ от Рима на реке Аниене⁵.

39. Город пришел в такое смятение, как никогда раньше; своего войска у них не было никакого (все, какое было, находилось тогда в Кампании), тогда как внезапно на них напали столь большое вражеское войско и полководец доблестный и счастливый, не терпевший поражений. Однако те из способных носить оружие, которые были в городе, стали охранять ворота, старики поднялись на стену, женщины и дети подносили камни и стрелы. Вышедшие в полях бегом собирались в город. Крик, плач, моления и взаимные подбадривания смешались в общий гул. Были из них и такие, которые, выйдя из города, стали разрушать мост на Анио. Некогда римляне, укрепив один маленький городок в области айканов⁶, назвали его от своей метрополии Альбой⁷; со временем вследствие небрежности произношения или порчи языка или для отличия от албанов они стали называть их альбесеями (^{Ἀλβησαῖος})⁸. Из этих вот альбесеев тогда бегом примчались в Рим две тысячи человек, чтобы вместе пережить опасность, и, как только они прибыли, они вооружились и стали охранять ворота. Такое рвение из всех колоний проявил один только этот маленький городок, подобно тому, как и к афинянам в битве при Марафоне малень-

¹ Церрин Вибеллий Таврея (L i v., XIII, 47, 8).

² Ливий относит эпизод о Таврее и Клавдии Аселле к 215 г. до н. э. Под 212 г. (XXV, 18, 4 сл.) он рассказывает другой эпизод, в котором речь идет о единоборстве под стенами Капуи Тита Квинкция Криспина и кампанца Бадиа. К л а в д и й К в а д р и г а р и й (fr. 56 P) знает подобный последнему эпизод, где фигурируют Таврея и некий Арторий.

³ 211 г. до н. э.

⁴ 6,4 км.

⁵ В рукописях колебание между Аниентом и Аниеном; последнее наименование представляет собой более древнюю форму наименования реки, называвшейся позднее Анионом (ср. RE, I, 2, 2211), притока Тибра в Лации, современного Тевероне или Аниене.

⁶ Т. е. эквов. Горное племя в средней Италии, находившееся в период ранней республики во враждебных отношениях с Римом и окончательно покоренное в 304 г. до н. э. Семпронием Софом (D i o d., XX, 101).

⁷ Альба Фуцента, на границе области марсов, в качестве римской колонии под этим именем известна со времени окончания II Самнитской войны (304 г. до н. э.).

⁸ Греческое Ἀλβησαῖος происходит, очевидно, от латинского Albenses.

кий город платейцев пришел на помощь, *чтобы* принять участие в защите от грозившей тогда опасности¹.

40. Из *римских* полководцев Аппий остался у Капуи, *так как* казалось, *что он* и *один* сумеет взять Капую, а Фульвий Флакк², двинувшись другими, чем Ганнибал, путями с невероятной быстротой, стал лагерем против Ганнибала, имея между собой и им реку Аниен. Ганнибал, найдя мост разрушенным, а Фульвия засевшим против него на другом берегу, решил обойти реку у ее истоков. Фульвий шел параллельно с ним по другому берегу, но Ганнибал и здесь его обманул, оставив всадников-номадов, которые *по* уходе войск перешли Аниен и стали опустошать поля римлян. Оказавшись у самого Рима и устранив его, они, как им было приказано, вернулись к Ганнибалу. Сам же он, когда обошел истоки реки и до Рима осталось недалеко, *как* говорят, ночью с тремя телохранителями тайно осмотрел город, и, несмотря на то, что он заметил недостаток войска и охватившее *всех* смятение, он повернул обратно к Капуе³: или бог, *как* и в других случаях, и тогда отнял у него разум, или испугавшись доблести и счастья *этого* города, или, как он сам говорил советовавшим ему напасть на город, не желал кончать войны из страха *перед* карфагенянами, ибо тогда ему *пришлось* бы сложить командование. Ведь войско Фульвия ни в какой степени не могло равняться с войском Ганнибала. Фульвий следовал за уходившим Ганнибалом, мешая ему запастись фураж и остерегаясь подвергнуться нападению из засады.

VII, 41. Выждав безлунную ночь и заметив, что Фульвий вечером не успел построить стены, но, выкопав ров, оставив промежутки вместо ворот и сделав вместо стены насыпь, успокоился, Ганнибал тайно послал на естественно укрепленный холм, поднимавшийся над римским лагерем, всадников, которым сказал, *чтобы* они временно держались спокойно, пока римляне не начнут занимать холм, как свободный от людей, и, посадив на слонов индийцев, приказал им прорваться в лагерь Фульвия через промежутки, оставленные для ворот, а, как только смогут, и через насыпи. И, приказав некоторым трубачам и горнистам следовать за ними на небольшом расстоянии, он прибавил к этому, что, когда они окажутся внутри лагеря, одни *должны*, разбежавшись, произвести возможно больше смятения, чтобы показалось, что их очень много, другие же кричать по-латыни, что Фульвий, полководец римлян, приказывает, оставив лагерь, взойти на близлежащий холм⁴. Такова была военная хитрость Ганнибала, и в начале *этого* предприятия все шло *так*, как он задумал; и слоны вошли, затоптав сторожей, и трубачи делали свое дело, и смятение, неожиданно охватившее римлян, поднимавшихся со сна в темноте ночи, было ужасающим, слыша же от говоривших по-латыни, что приказано бежать на холм, они готовы были это выполнить.

42. Фульвий же, всегда ожидая какой-нибудь засады и подозревая что-либо подобное во всех действиях Ганнибала, или по врожденной ему рассудительности, или осененный божественным наитием, или получив точные сведения от пленника, Фульвий поспешно поставил трибунов на дорогах, ведущих к холму, *чтобы* задерживать тех, которые по ним уже неслись туда, и разяснять им, что этот приказдал не римский полководец, а Ганнибал, устроивший там засаду. Сам же он, поставив на насыпях через короткие промежутки стражей, чтобы никто не вторг-

¹ См. Н е г., IV, 108.

² Рукописи и здесь и далее: «Клавдий Флакк».

³ Летом 211 г. до н. э.

⁴ Ср. L i v., XXVI, 6, 11, сл., где речь идет о подобном приеме, употребленном при осаде Капуи карфагенянами.

нулся извне, ходил по лагерю *вместе* с другими и громко сообщал, что все обстоит спокойно и что тех, которые вошли *вместе* со слонами, немного. Он велел повсюду зажечь факелы и развести костры, и тогда стала ясной малочисленность вошедших, так что римляне, совершенно проникнувшись к ним презрением и, перейдя от прежнего страха к гневу, легко перебили их, так как они были безоружны и немногочисленны. Слоны, не имея свободного пространства, чтобы повернуться, запутывались между палаток и барачков; в узком пространстве огромные их тела представляли прекрасную цель для ударов; в конце концов, страдая от ран, придя в ярость (*ἀγανακτοῦντες*)¹, не имея возможности броситься на врагов, они скинули с себя своих вожаков, затоптали их в бешенстве и с ревом и, совершенно обезумев, вырвались из лагеря. Так Фульвий Флакк *благодаря* разумной твердости и искусству, встретившись с внезапной засадой, обошел Ганнибала и сохранил свое войско, всегда боявшееся козней Ганнибала².

43. Потерпев неудачу в своей попытке, Ганнибал, перейдя в область луканов, зазимовал; и этот свирепый воин предался непривычной для него роскоши и любовным наслаждениям. И тотчас у него за малое время все переменилось. Фульвий возвратился в Капую к своему сотоварищу-полководцу, и оба стали усиленно теснить капуанцев, торопясь взять город зимой, пока Ганнибал отсутствовал. Капуанцы же, поскольку запасы продовольствия были у них исчерпаны и неоткуда было подвезти другие, отдали себя в руки консулов; сдались им и те из ливийцев, которые стояли как гарнизон, с самими полководцами, Ганноном (не тем, который был в Лукании)³ и Бостаром⁴. Римляне поставили в городе свой гарнизон и сколько ни нашли перебежчиков, у всех у них отрубили руки; из ливийцев знатных послали в Рим, остальных продали. Из самих капуанцев, наиболее виновных в отпадении, они казнили, у остальных отняли только землю: вся она вокруг Капуи очень плодородна, так как это равнина. Так Капуя вновь перешла в руки римлян, и этим у ливийцев для ведения войны в Италии было отнято большое преимущество.

44.⁵ В области бруттиев, которая составляет часть Италии⁶, один человек из занятого ливийцами города Тисии⁷, привыкший всегда грабить и доставлять добычу начальнику гарнизона, а вследствие этого ставший ему во всех отношениях приятелем и почти сотоварищем по власти, страдал, видя, как солдаты гарнизона насильничают над его отечеством. Поэтому, столкнувшись с римским военачальником и дав и получив от него клятвы в верности, он всякий раз приводил в крепость как пленных нескольких римских солдат, а их оружие приносил как добычу. Когда их оказалось довольно много, он освободил и вооружил их, уничтожил гарнизон ливийцев и ввел другой от римлян. Когда немного позднее мимо них проходил Ганнибал, солдаты римского гарнизона, пораженные страхом, бежали в Регий, а тисиаты предали себя Ганнибалу. Виновников отпадения Ганнибал сжег, а в городе поставил другой гарнизон.

¹ Конъектура Nauck'a: «придя в беспорядок» (*ἀτακτοῦντες*).

² Ср. Liv., XXVI, 8, 1 сл.; Polyb., IX, 5, 1 сл.

³ См. о нем выше, 36; Liv., XXVI, 1, 2.

⁴ Рукопись «Ботой», конъектуры: «Бостой», «Бостаром»; также Бостар у Liv., XXVI, 5, 6.

⁵ 210 г. до н. э.

⁶ Эта фраза вызвала ряд конъектур: «которая составляет крайнюю часть Италии»; «которая составляет часть древней Италии»; «которая составляет часть Италии, которая только одна так и называлась»; «которая составляет предел Италии».

⁷ Крепость неподалеку от Регия, вероятно, идентичная Исии Дидора XXXVII, 2, 13).

45. В городе япигов Салатии¹, подвластном ливийцам, было два человека, выдающихся из числа других родом, богатством и могуществом, но во многом отличных друг от друга. Из них Дасий стоял на стороне ливийцев, а Блатий — на стороне римлян. Пока дела Ганнибала процветали, Блатий бездействовал; когда же дела римлян стали поправляться и многие из их владений они вновь вернули, Блатий стал убеждать своего врага объединиться с ним в заботах только об отечестве, чтобы не потерпеть чего-нибудь ужасного, если римляне возьмут силой их город. Тот, сделав вид, что соглашается, донес об этом Ганнибалу. И судил их Ганнибал, причем Дасий обвинял, Блатий защищался и говорил, что он подвергся навету вследствие вражды; уже и раньше предвидя это, Блатий дерзнул произнести такую речь перед врагом, считая, что его обвинителю не будет веры вследствие их взаимной вражды. Ганнибал, полагая, что не должно ни оставлять такого дела без внимания, ни сразу поверить сказанному врагом обвиняемого, отослал их, чтобы самому с собой обдумать это дело. Так как выход был очень узким, Блатий незаметно для других сказал Дасию: «Не будешь, приятель, спастись отечество?» Дасий же, немедленно закричав, сообщил это Ганнибалу.

46. Тогда Блатий, жалуюсь и этим еще более вызывая к себе доверие, сказал, что он является жертвой заговора хитрого врага. «Этот», сказал он, «теперешний коварный замысел освобождает меня и от прежнего подозрения, если какое-нибудь было. Ведь кто и прежде мог бы доверить врагу такое дело, и теперь, если раньше он и поступил необдуманно, вновь во второй раз решился бы сказать то же самое человеку, недостойному доверия, выступившему обвинителем в этом самом деле, переживая еще опасность, находясь под судом и отрицая свою виновность, и при этом еще сказать в суде, где многие могли слышать, да и обвинитель равным образом тотчас же сообщил бы это? И если бы даже он внезапно оказался», говорил он, «благорасположенным и дружественным, то в чем он мог бы оказать мне полезное в борьбе за отечество? Чего бы я требовал от него, который ничем не может мне помочь?» Мне кажется, что Блатий, опять предвидя все, что случилось, шепнул на ухо Дасию эту фразу и вызвал к нему еще большее недоверие; вследствие этого и Ганнибал стал меньше доверять сказанному прежде Дасием. Но даже и теперь, избегнув суда, Блатий не перестал переубеждать врага, одновременно презирая его, как ставшего недостойным доверия во всех отношениях. Дасий же вновь сделал вид, что соглашается, и просил указать ход задуманного отпадения. Ничего не опасаясь, Блатий сказал: «Я спешно уеду в один из римских лагерей» (указав ему один из самых далеких) «и, взяв войско, приведу сюда; ибо начальник того войска мне друг; ты же оставайся у меня здесь и наблюдай за внутренней жизнью города».

47. Так он сказал и тотчас же быстро уехал, тайно от Дасия, не в тот, на который он указал, лагерь, а в Рим, куда дорога была короче. Дав сенату заложником сына, он попросил тысячу всадников, с которыми спешно возвратился, предвидя, что должно произойти. Дасий, не видя врага в следующие дни, решил, что тот выполняет то, о чем он ему сообщил, как будто уже вполне доверяя ему. Итак, сочтя, что действительно Блатий отправился в тот более отдаленный лагерь, Дасий быстро отправился к Ганнибалу, рассчитывая, что сумеет вернуться раньше его; при этом он сказал: «теперь я предаю тебе Блатия с полчищем, когда он будет вводить в город войско». Изложив произошедшее и взяв несколько воинов,

¹ Конъектура Palmer'a; рукопись: «Салатии». Также Сальпия (V i t r., I, 4, 12) и Эльпия (у греческих авторов), родосская колония близ современной Поста ди Сальпи, к югу от Арн.

он с поспешностью вернулся в родной город, *полагая*, что Блатий еще далеко. Но тот был *уже* в городе только что туда *прибыл*, и, перебив гарнизон из ливийцев, бывший немногочисленным, стерег, *чтобы* никто не вышел *из города*; *все* остальные ворота он запер, те же, *через которые должен был* войти Дасий, одни оставил открытыми. И часть *стены*, которая прилежала к ним, он всю привел в *такое состояние*, *чтобы она* не вызывала подозрения; внутри же *все* было так перерыто рвами, *чтобы* ворвавшиеся *за ворота* не могли разбежаться по всему *городу*. Когда Дасий увидел ворота открытыми, он обрадовался, сочтя, *что он* предупредил врага, и, полный веселья, въехал *в город*. Блатий же, закрыв *ворота*, убил его и въехавших с ним, оттеснив *их* в узкое *пространство*, *так что* вследствие рвов *они* не имели возможности бежать. *Лишь* немногие из них, перескочив через стену, бежали.

VIII, 48. Так Блатий одолел Дасия, трижды применив *против него* коварство¹. *В это время* Фульвий², римский консул, осаждал Эрдонию³; вечером незаметно *для него сюда подошел* Ганнибал и, став поблизости, велел не зажигать огней и *хранить* молчание. Около рассвета, когда *к тому же* поднялся туман, он послал всадников напасть на римский лагерь. Римляне стали их отражать, правда, с *некоторым* смятением, как *только что вставшие* от сна, но храбро, так как *видели перед собой* немногих, откуда-то к ним явившихся. Ганнибал же с пехотой обошел город по другую *сторону*, *чтобы* одновременно и осмотреть *место* и внушить надежду находящимся внутри, пока во *время* обхода, или предвидя *это*, или случайно, *он не* столкнулся с римлянами и не окружил их. Тотчас же попал *под* перекрестные удары, они, безжалостно избиваемые *врагами*, погибали в большом количестве; было убито из них до восьми тысяч и сам консул Фульвий. Остальные, вскочив на какую-то насыпь перед лагерем, храбро отбиваясь, сохранили ее и помешали Ганнибалу взять лагерь⁴.

49. После этого римляне опустошали *страну* отпавших япигов, Ганнибал же — *область* кампанцев, перешедших на *сторону* римлян, кроме одной Ателлы⁵. Жителей ее он переселил в Фурии, *чтобы* избавить *их* от бедствий войны, *которую вели* бруттии, луканы и япиги. Римляне поселили в Ателлу⁶ изгнанных из Нуцерии⁷ и, напад на еще подвластную Ганнибалу Авлонию⁸, взяли ее и, делая набеги, опустошали землю бруттиев. Тарент, где гарнизоном командовал Карталон⁹, *они* осадили с суши и с моря¹⁰. *Так как* карфагенян в наличности было мало, Карталон взял в гарнизон бруттиев. Начальник этих бруттиев был влюблен *в* женщину,

¹ Ср. Liv., XXVI, 38, 6 сл.

² Гней Фульвий Центумал, консул 211 г., военные полномочия которого были продлены на 210 г.— время, к которому должны быть отнесены описываемые события. Ср. Liv., XXVI, 28, 9.

³ Иначе Гердолию, апулийское укрепленное поселение (Plin., NH, III, 105) на месте современной Ордоны, существовавшее, судя по керамическим находкам (RM, 1908, стр. 184), уже в V в. до н. э.

⁴ Ср. Liv., XXVII, 1, 4 сл.

⁵ Осский город близ тирренского побережья между Неаполем и Капуей, у современной Аверсы.

⁶ Т. е. на территорию Ателлы, оставшуюся свободной после переселения ателаев в Фурии.

⁷ Ср. Dioid., XIX, 65; Liv., XXVII, 3. Нуцерия была расположена неподалеку от побережья, на реке Сарне, близ современной Ночеры.

⁸ Вероятно, идентична с Авлоном, местностью близ Тарента (Hog., Samt., II, 4, 16).

⁹ Об этом военачальнике Ганнибала, имя которого известно и в связи с более ранними эпизодами II Пунической войны, см. у Ливия (XXII, 15,5 сл.; 49, 13 сл.; 58, 7), по словам которого он погиб при взятии Тарента римлянами (XXVII, 16).

¹⁰ 209 г. до н. э.

брат которой, находясь в войске римлян, устроил через сестру, чтобы начальник сдался римлянам, когда они подведут осадные машины к той части стены, где он командовал. Вот каким образом римляне взяли Тарент, место, весьма важное для ведения войны и на земле и на море.

50. Ганнибал торопился к Таренту, но узнав, что он взят, очень огорченный, отправился в Фурии, а оттуда в Венусию¹, где против него стали лагерем Клавдий Марцелл², захвативший Сицилию, бывший тогда в пятый раз консулом, и Тит Криспин³; но они не решились начать битву⁴. Но Марцелл, увидев, как номады забирают какую-то добычу, и считая, что этих грабителей мало, быстро напал на них с тремясками всадников, полный к ним презрения, причем сам он шел впереди, будучи отважен в битвах и всегда готовый на опасность. Но когда внезапно появилось много ливийцев, отовсюду напавших на него, те из римлян, которые были в тылу, первыми бросились бежать. Марцелл же, считая, что они следуют за ним, продолжал храбро сражаться, пока, пораженный дротиком, не был убит⁵. Ганнибал, став около его тела, когда увидел раны, которые все были на груди, похвалил его как воина, но упрекнул как полководца. Сняв с его руки перстень с печатью, он торжественно предал его тело сожжению, а кости отослал сыну в лагерь римлян.

51. Гневаясь на салапинов⁶, Ганнибал поспешно, прежде чем смерть Марцелла стала многим известна, запечатал письмо Марцелла печатью и послал отнести это письмо римского перебежчика, который должен был сообщить, что за ним идет войско Марцелла и что Марцелл велит его принять. Но жители Салапии только что получили письмо Криспина, разославшего всем уведомление, что печатью Марцелла овладел Ганнибал. Итак, вестника, чтобы, оставаясь, он не узнал, что они хотят сделать, они отослали, обещав сделать то, что приказано, сами же, вооружившись, ожидали на стенах очередного коварства. Когда подошел Ганнибал с номадами, которых он вооружил римским оружием, они при помощи военного приспособления подняли ворота, как будто действительно радуясь прибытию Марцелла, и, приняв внутрь столы, сколько они легко могли одолеть, они вновь при помощи того же приспособления опустили ворота. Вошедших они убили, а стоявших еще вне стен они сверху стали поражать и наносить им раны. И, потерпев неудачу в этой второй попытке взять город, Ганнибал отошел⁷.

52.⁸ В это время и Гасдрубал, брат Ганнибала, с войском, которое он набрал в области кельтиберов, перешел в Италию и, так как кельты приняли его дружелюбно, перешел Альпийские горы, пройденные ранее Ганнибалом, в два месяца, а до того эта дорога потребовала у Ганнибала шесть месяцев. Он вторгся в Тиррению, ведя с собой сорок восемь тысяч пехотинцев, восемь тысяч всадников и пятнадцать слонов. Он отправил брату письмо, извещая, что он прибыл. Так как письмо было перехвачено римлянами, то консулы Салинатор и Нерон⁹, узнав из письма количество его войска, соединили вместе все свои силы и стали против него лагерем у города Сен (Σηνας)¹⁰. Гасдрубал, вовсе не желая сражаться, но торопясь

¹ Город в Апулии на Ауфиде, современная Веноза (см. L i v., XXVII, 10, 20).

² См. выше, 27.

³ Тит Квинкий Криспин, консул 208 г. до н. э. (L i v., XXVII, 22, 1).

⁴ 208 г. до н. э.

⁵ По P o l y b., X, 32, 1 сл., Марцелл был убит в засаде близ Петелии, откуда товарищ его Криспин ускользнул, тяжело раненный.

⁶ См. выше, 45 и прим.

⁷ Ср. L i v., XXVII, 28, 4 сл.

⁸ 207 до н. э.

⁹ Марк Ливий Салинатор и Гай Клавдий Нерон, консулы 207 г. до н. э.

¹⁰ Sena Gallica, укрепленный город на умбском берегу Адриатики, при устье одноименной реки Sena (P t o l., II, 19, 1).

соединиться с братом, уклонялся от боя. И ночью, снявшись с лагеря, он двигался по болотам и топам около трудно переходимой реки, пока с наступлением дня римляне не захватили воинов Гасдрубала, находящиеся в беспорядке и усталых от бессонницы и усилий, и многих из них вместе с начальниками, когда они еще собирались и строились, перебили, и в числе их самого Гасдрубала; многих они взяли в плен¹ и освободили Италию от великого страха, так как Ганнибал стал бы для них непобедимым, если бы присоединил к своему и это войско.

53. Мне кажется, что бог вознаграждал римлян за поражение при Каннах этой победой, которая не далеко отстояла от него по времени и в некотором отношении была ему равноценной, так как в обоих случаях погибли полководцы и количество погибшего войска было очень близко и в том и в другом случае; и пленных было много, одинаково в и той и в другой битве; в обоих случаях неприятели овладели лагерем и богатыми запасами противной стороны. Так попеременно Рим испытал и счастье и несчастье. Из кельтиберов же те, которые бежали из этого поражения, одни ушли домой, другие — к Ганнибалу.

54. Ганнибал был тяжело поражен внезапной гибелью брата и столь большого войска из-за незнакомства с дорогами. Имея уже четырнадцать лет непрерывных трудов, с тех пор, как он начал воевать с римлянами в Италии, выбитый отовсюду, что он захватил раньше, он удалился в область бруттиев, народа, который один остался ему подвластным, и, ожидая новых войск, которые должны были притти из Карфагена, бездействовал. И действительно они [т. е. карфагеняне] послали ему сто «круглых» грузовых судов, на которых были хлеб, войско и деньги, но так как ни один корабль с веслами их не сопровождал, ветер занес их в Сардинию, и военачальник Сардинии, выплыв против них на длинных² кораблях, двадцать из них потопил, шестьдесят захватил; остальные карфагеняне бежали в Карфаген. Поэтому Ганнибал, еще более испытывая недостаток во всем и отказавшись от надежды на помощь от карфагенян, так как даже Магон³, набравший наемников среди кельтов и лигуров, ему не посылал ничего, но выжидал, как в будущем сложатся дела, предвидя, что он [т. е. Ганнибал] не сможет больше оставаться в Италии, — стал относиться без внимания даже к самим бруттиям, ставшим ему почти что чужими, накладывал на них очень большие поборы и переселил их из укрепленных городов в равнины, как собирающихся отпасть от него; многих из людей, обвинив, он казнил, чтобы присвоить их имущество.

IX, 55. В таком положении он находился, в Риме же были выбраны консулами Лициний Красс и Публий Сципион, завоевавший Иберию⁴, из них Красс стал лагерем против Ганнибала в области япигов, Сципион же убеждал народ, что они никогда не избавятся ни от карфагенян, ни от Ганнибала, которые мучат и истощают их в Италии, если римское войско не перейдет в Ливию и не поставит карфагенян перед опасностью у себя дома. Настойчиво им это доказав и убедив колебавшихся, Сципион сам был выбран полководцем для похода в Ливию и тотчас отплыл в Сицилию. Собрав там войско и обучив его, он внезапно отплыл в Локры, находящиеся в Италии, охраняемые гарнизоном Ганнибала; истребив этот гарнизон и передав город Племинию⁵, сам переправился в Ливию. Племиниий,

¹ Ср. Liv., XXVII, 43 сл.; Polyb., XI, 1, 5 сл.

² Военных.

³ См. выше, 20.

⁴ Консулы 205 г. до н. э. Публий Лициний Красс и Публий Корнелий Сципион, руководивший военными операциями в Испании в 211—206 гг. до н. э.

⁵ Легат Сципиона, о действиях его см. также Liv., XXIX, 8 сл.

проявив по отношению к локрам всякого рода распущенность, оскорбительность обращения и жестокость, ограбил, наконец, и святилище Ферсефоны. Римляне казнили в тюрьме¹ его и его друзей, участвовавших в его преступлениях, их имущество отдали локрам, чтобы поместить в сокровищницу богини и, разыскав все другое из украденного, что могли, остальное возместили богине из своего общественного казначейства.

56². В то же самое время Красс привлек на свою сторону от Ганнибала Консентию³, большой город бруттиев, и шесть других. И так как в Риме от Зевса⁴ были страшные знамения, десять мужей⁵, посмотрев Сивиллины книги, сказали, что в Песинунт во Фригии, где фригийцы почитают Матерь богов, на этих днях нечто упадет с неба и что это должно привезти в Рим. Немного времени спустя было дано знать, что там упало изображение богини, и оно было доставлено в Рим. И ныне праздник Матери богов справляется в тот день, в который изображение было тогда привезено. Говорят, что корабль, который вез его, завязнув в иле реки Тибра, никакими средствами не мог быть сдвинут с места, пока, после того, как прорицатели сказали, что он пойдет только в том случае, если его потащит женщина, чистая от общения с чужими мужами, Клавдия Квинта⁶, на которой тяготело обвинение в прелюбодеянии, но которая еще не подверглась суду, хотя ее роскошная жизнь и как будто бы вполне подтверждала его, не обратилась к богине с большой молитвой относительно своей невинности⁷ и не привязала ленту своего головного убора к кораблю. И богиня последовала. Клавдия, таким образом, вместо позорнейшей славы получила самую лучшую; но римлянам и до случая с Клавдией Сивиллины книги приказали привезти изображение из Фригии руками лучшего у них; они отправили считавшегося тогда лучшим у них Сципиона, прозвищем Насику⁸; это был сын Гнея Сципиона, начальствовавшего в Иберии и павшего в ней, двоюродный брат Сципиона, отнявшего гегемонию у карфагенян и первого прозванного Африканским. Так явилась в Рим богиня, благодаря лучшим мужам и женам⁹.

57. Когда в Ливии карфагеняне стали постоянно терпеть поражения от этого самого Сципиона, все из бруттиев, которые узнали это, отпали от Ганнибала и одни избивали, другие изгоняли его гарнизоны. Не имевшие же возможности сделать ни того, ни другого, тайно отправляли послов к сенату, указывая на свою необходимость подчиняться Ганнибалу и на свое желание перейти на сторону римлян. Ганнибал прибыл с войском в Петелию¹⁰, которую еще не занимали петелины; изгнав их, он еще раньше передал город бруттиям. Он обвинял их, что они отправили послов в Рим; когда же они отрицали это, он притворился, что верит им, «а чтобы», сказал он, «вы не находились даже под подозрением», он передал наиболее влиятельных номадам, чтобы стеречь каждого из них отдельно, у населения же отобрал оружие, а рабов, вооружив, поставил стражами города. Приходя и в другие города, он поступал подобным образом. Выбрав из фурийцев

¹ По Liv., XXIX, 22, 9 и Dio d., XXVI, 4, 6, Племянник умер в тюрьме своей смертью.

² 204 г. до н. э.

³ Главный город Бруттия, современная Консенца (Plin., NH, III, 72).

⁴ White считает возможным, наряду с буквальным, другой перевод: «на небе»

⁵ Децемвиры.

⁶ Progenies, т. е., вероятно, внучка Аппия Клавдия Цека (Cic., Cacl., 34). Основанием для излагаемого Аппианом анекдота, расцвеченного также поэтами (Ovid., Fasti, IV, 305 сл.), послужил факт, переданный у Liv., XXIX, 14, 12.

⁷ Конъектура; рукописи: «относительно своей виновности».

⁸ «Остроносый» (Agr., VI, 10).

⁹ Wesseling (на основании Dio d., II, 605) делает поправку: «руками лучшего мужа и женщины». Об этом эпизоде ср. Liv., XXIX, 14, 8 сл.

¹⁰ Ср. выше, 29.

три тысячи наиболее расположенных к карфагенянам и пятьсот других из деревень, остальных он дал войску на разграбление. Оставив в городе сильный гарнизон, он переселил эти три тысячи пятьсот в Кротон, считая, что город расположен очень удачно, и сделал его себе казнохранилищем и исходным пунктом для походов на другие города.

58¹. Когда же карфагеняне стали призывать его *возможно* скорее прийти на помощь отечеству, которое находится в опасности *вследствие наступления* Сципиона, и, чтобы он не медлил, послали к нему начальника флота Гасдрубала², Ганнибал, хотя и был охвачен и скорбью и гневом, давно испытав по опыту недоверие и неблагодарность карфагенян к своим начальникам, и *вместе с тем* боялся обвинения за эту войну, как *первый* напавший на римлян в Иберии³, однако решил ввиду необходимости следовать за Гасдрубалом и стал готовить много кораблей, так как Италия обладала прекрасным лесом. Пренебрегая подвластными ему еще городами, как чужими, он решил все их разграбить и, обогатив войско, расположить его к себе на случай нареканий на него в Карфагене. Но, стыдясь сам нарушать договоры, он посылал начальника флота Гасдрубала под предлогом осмотра гарнизонов. Тот же, входя в каждый город, приказывал жителям его, чтобы они и их рабы, взяв сколько могут, удалились из города, а остальное отдавал на разграбление. Некоторые из них, узнав об этом, нападали на солдат гарнизонов, прежде чем приходил Гасдрубал, и бывало, что кое-где побеждали города, а кое-где солдаты гарнизона, и происходили повсеместная резня, насилие над женщинами, увод в плен девушек и все, что *бывает* в городах, взятых во время войны.

59. Сам же Ганнибал, зная, что воевавшие *вместе с ним* из италиков были хорошо обучены, убеждал их многими обещаниями отправиться с ним на войну в Ливию. Из них боявшиеся наказания за свои преступления по отношению к родным городам, последовали за ним, охотно покидая родную землю, те же, которые ничем не погрестили против родины, колебались. И вот, собрав тех, которые требовали, чтобы их оставили, под предлогом, что он хочет им нечто сказать или поблагодарить за прошлое, или дать указание на будущее, он внезапно окружил их вооруженным войском и приказал своим выбрать себе из них, сколько они хотят, рабов. Когда одни выбрали, другие же стыдились поработать себе своих боевых товарищей, совершивших *вместе с ними* столько подвигов, Ганнибал велел всех оставшихся перебить, чтобы такие храбрые люди не оказались полезными для римлян. Он перерезал у них сверх того и до четырех тысяч коней и множество вьючных животных, не имея возможности увезти все это в Ливию.

60. После этого, посадив все войско на корабли, он ожидал попутного ветра, оставив на земле немногих для охраны. Петелины и с ними другие италийцы напали на них и, перерезав некоторых из них, убежали. И вот Ганнибал отплыл в Ливию, после того как он целых шестнадцать лет опустошал Италию, заставил людей испытывать тысячи бедствий и часто доводил их до крайней опасности, а подвластным ему и союзникам чинил насилие как врагам; да ведь и раньше руководясь в обращении с ними не столько расположением к ним, сколько пользой для себя, он и теперь, не имея больше ничего, чем бы он мог воспользоваться от них, отнесся к ним бесцеречно, как к врагам.

61. Когда Ганнибал отплыл, сенат всем другим народам Италии, которые перешли на его сторону, простил прошлое и объявил амнистию,

¹ 203 г. до н. э.

² Ср. Liv., 34.

³ Последние слова от «напавший» Mendelssohn считает подозрительными.

и только у бруттиев, которые до конца были более *всех* преданы Ганнибалу, он отнял много земель и оружие, какое еще оставалось, после того как отобрал у них Ганнибал, и на будущее время сенат запретил бруттиям служить в войсках, как людям, которые не являются свободными, но велел следовать в качестве слуг за консулами и преторами, отправляющимися для управления народами¹, для выполнения государственных работ в качестве слугителей. Таков был конец вторжения Ганнибала в Италию².

VIII

СОБЫТИЯ В ЛИВИИ

1. Карфаген (Καρθηδών), находящийся в Африке, основали финикийцы за пятьдесят лет до взятия Илиона³, ойкистами же его были Зор (Ζῶρος) и Кархедон (Καρχεδῶν), как говорят эллины⁴, а как считают римляне и сами карфагеняне — Дидона, происходившая из Тира⁵, мужа которой убил Пигмалион, бывший тираном Тира, причем он скрыл это дело. Но Дидона узнала об убийстве из сновидения и с большими сокровищами и людьми, которые бежали от тирании Пигмалиона, она на кораблях прибыла к тому месту Ливии, где теперь находится Карфаген. Не допущенные к высадке ливийцами, они стали просить разрешения взять для поселения столько земли, сколько может захватить бычья шкура. Ливийцы стали смеяться, что финикийцы просят такую малость, и к тому же они стыдились отказать в такой ничтожной просьбе. Особенно же они недоумевали, как может поместиться город на столь малом пространстве, и, желая увидеть, что это у них за хитрость, они согласились дать, сколько они просили, и поклялись в этом. Прибывшие же, разрезав шкуру быка в виде одного очень узкого ремня, охватили им то место, где ныне находится акрополь карфагенян; поэтому он и называется Бирса (Βύρσα)⁶.

2. С течением времени, двигаясь отсюда и превосходя окрестных жителей в военном деле, а также пользуясь кораблями и направив, как финикийцы, свою деятельность в сторону моря, они раскинули город вне Бирсы. Постепенно достигнув могущества, они овладели Ливией и большим пространством моря; они стали вести внешние войны, совершая походы в Сицилию, на Сардинию и на другие острова, которые находятся на этом море, а также в Иберию. Очень часто они стали посылать и колонии, и могущество их в военном отношении стало равно эллинскому, по богатству же стояло на втором месте после персидского. По прошествии семисот лет от синойкисма римляне отняли у них Сицилию⁷ и Сар-

¹ Т. е. провинциями.

² После этого в рукописях следует крайне неясная фраза: «и в этой войне карфагенян было пятьдесят два года». Некоторые хотят, исправляя ее, истолковать так: «затем эта вторая война римлян с карфагенянами шла еще два года и закончилась миром, продолжавшимся пятьдесят лет».

³ Дата, восходящая к Филлисту Сиракузскому (E u s., Chron., стр. 51 Sch.) и Эвдоксу Книдскому (см. Schol. ad. E u r. Troad., 220) — авторам IV в. до н. э.; на основании расчетов Евсевия основание Карфагена следует отнести к 1213 г. до н. э.

⁴ Набранное курсивом — дополнение Schweughäuser'a и Mendelssohn'a. Имеется в виду тот же Филлист Сиракузский, на которого прямо ссылается Евсевий (Chron., стр. 50 Sch.).

⁵ Согласно Юстину (XVIII, 4, сл.), дочь царя Тира Мутто (Μετρες υ Σεργ., ad. Aen., I, 343).

⁶ Т. е. шкура. Подобное значение слово это могло иметь только по-гречески (βύρσα), по-финикийски же оно должно было означать «крепость», «укрепленное место». См. M e l t z e r, Gesch. d. Karthager, I, 1879, стр. 42; II, 1896, стр. 192.

⁷ В 241 г. до н. э. Если приведенный расчет относится к Риму, то основание Рима должно падать примерно на 941 г. до н. э. (ср. выше А р р., Praef., 6). Однако он может относиться и к Карфагену (ср. L i b., 1).

динию, а *после* второй войны—и Иберию. Вторгаясь в *пределы* противника с огромными войсками, карфагеняне, *когда* предводительствовал ими Ганнибал, непрерывно в течение шестнадцати лет опустошали Италию, а римляне — Ливию, *когда* их полководцем был Корнелий Сципион Старший¹, пока не лишили карфагенян гегемонии, и кораблей, и слонов и не приказали им внести в *определенное* время огромную сумму денег. Это второе перемирие между римлянами и карфагенянами продолжалось около пятидесяти лет, пока, нарушив его, они не вступили друг с другом в третью и последнюю войну, в которой римляне, *когда* полководцем их был Сципион Младший, разрушили Карфаген и постановили предать проклятию *это место*. Но *затем* они снова населили его своими собственными людьми, *поселив их* очень близко от прежнего Карфагена, так как *это место* было самым удобным в Ливии. Из этого то, что произошло в Сицилии, излагается в книге о сицилийских делах², произошедшее же в Иберии — в книге об Испанских войнах³ а все то, что сделал Ганнибал, вторгшись в Италию, изложено в книге о войне с Ганнибалом⁴; произошедшее же с самого начала в Ливии содержит эта книга.

35. Римляне начали вести военные дела в Ливии во время Сицилийской войны⁵: приплыв в Ливию на трехстах пятидесяти кораблях, взяв несколько городов и оставив полководцем при войске Атилия Регула⁷, который захватил еще двести других городов, перешедших к нему из-за ненависти к карфагенянам⁸, и, продолжая наступление, опустошал страну. Карфагеняне стали просить лакедемонян прислать им военачальника, полагая, что они несут поражения вследствие отсутствия надлежащей военной власти. Лакедемоняне послали им Ксантиппа⁹. Атилий же, который стоял лагерем около озера, двинулся на врагов вокруг озера в самую жару; его войско страдало от тяжести вооружения, жажды, духоты и изнурительного пути, к тому же с крутых холмов сверху его поражали камнями и стрелами¹⁰. Когда к вечеру он приблизился к врагам и их разделяла только река, он тотчас перешел реку, чтобы и этим испугать Ксантиппа¹¹; но тот вывел через ворота из лагеря выстроенное в боевом порядке войско, надеясь, что он одолеет усталого и пострадавшего в пути врага и что самая ночь окажет помощь победителям. И действительно, Ксантипп не обманулся в этой надежде: из тридцати тысяч человек, которых вел Атилий, немногие¹² с трудом бежали в город Аспиду¹³, все же остальные—одни погибли, другие же были взяты в плен. И в их числе стал пленником также и сам военачальник Атилий, бывший консулом.

¹ См. выше, Напп., 55.

² V книга «Римской истории» Аппиана.

³ VI книга «Римской истории» Аппиана.

⁴ VII книга «Римской истории» Аппиана.

⁵ 256 г. до н. э.

⁶ Т. е. во время I Пунической войны.

⁷ См. выше, Sic., 2, 1 и прим.

⁸ Ср. Polyb., I, 31, 2.

⁹ В действительности этот Ксантипп был простым наемником (ср. Polyb., I, 32, 1 сл.).

¹⁰ Поражение Регула относится к 255 г. до н. э.

¹¹ Географическая обстановка этих событий далека от ясна. Упомянутое у Аппиана озеро отождествляется обыкновенно с Тунисским (см. M e l t z e r, Gesch. der Karth., II, 303; ср. G s e l l., Hist. anc. de l'Afr. du Nord, III, 1929, стр. 86, где приведены соображения относительно отождествления упомянутой у Аппиана реки).

¹² 2 000 по Polyb., I, 34, 9.

¹³ Клуею. Так назывались мыс на северозафриканском побережье к западу от мыса Меркурия (P t o l., IV, 3, 8), близ современной Келибии (T i s s o t, Géographie comparée de l'Afrique, II, 1886, стр. 136), и одноименный ему город, заложный или лишь названный так Агафоклом (S t r a b o, XVII, 314; ср. P r o c., Vand., II, 10).

4¹. Именно его немного спустя карфагеняне, устав *от войны*, послали в Рим *вместе* со своими послами с тем, *чтобы он* добился для них перемирия или *же* вернулся; и Атилий Регул, убедив при тайной *встрече высших* магистратов римлян твердо продолжать войну, вернулся на ожидавшую его гибель; карфагеняне казнили его, посадив в клетку с *торчащими* отовсюду гвоздями². А для Ксантиппа его счастливая *победа* была началом несчастий: карфагеняне, чтобы не казалось, что столь славная *победа* была делом лакедемонян, сделав вид, *что хотят* почтить его многими дарами и отправить в Лакедемон на триерах, поручили начальникам триер утопить его *вместе* с плывшими с ним лаконцами³. Таким образом он понес наказание за свой подвиг, и таковы были успехи и неудачи римлян в первую войну в Ливии, пока карфагеняне не отдали римлянам Сицилии⁴. А как отдали, рассказано в книге о сицилийских делах⁵.

5. После этого у римлян и карфагенян был мир между собой, ливийцы же, которые, будучи подданными карфагенян, воевали *вместе* с ними в Сицилии, и из кельтов те, которые служили у них за плату, заявляя против карфагенян жалобы за *невыплату* жалования и *неисполнение* обещаний, стали воевать с ними весьма упорно⁶. Карфагеняне зывали о помощи к римлянам, *так как они считались* друзьями, и римляне разрешили им на одну войну набирать наемников из Италии, так как в договоре было запрещено и это. Послали они и посредников для *установления* мира, которых ливийцы не послушались, но заявили, *что их* города будут подвластны римлянам, если те захотят; но римляне не приняли их. Устроив *благодаря* многочисленному флоту блокаду городов, карфагеняне отняли у ливийцев *возможность* подвоза хлеба с моря. И *так как* и земля оставалась незасеянной, как *это* бывает во время войны, они победили ливийцев голодом, купцов же, которые плыли мимо, они грабили вследствие недостатка *средств для жизни*; купцов же римских, убивая, бросали в море, чтобы скрыть *преступление*⁷. И долгое время они это скрывали. Когда же совершаемое ими открылось, и римляне стали требовать возмещения, они отказывались, пока, *после того, как* римляне постановили итти против них войной, они не отдали в возмещение Сардон⁸. И это было вписано в прежнее соглашение⁹.

II, 6¹⁰. Немного времени спустя карфагеняне начали свои походы на Иберию и по частям подчиняли ее своей власти, пока закинфяне¹¹ не обратились

¹ 250 г. до н. э.

² Ср. выше, Sic., 2, 1.

³ Эту легенду, на существование которой намекает Полибий (I, 36, 2 сл.), передавал также Кассий Дион (Z o n., VIII, 13).

⁴ 241 г. до н. э.

⁵ См. Sic., 2, 2 сл.

⁶ Так называемая Ливийская война (241—238), о которой подробно сообщает на основании Филина Полибий (I, 65 сл.).

⁷ Ср. P o l y b., I, 83, 5 сл., откуда видно, что карфагеняне захватили итальянских купцов, торговавших с ливийцами, в плен, а потом, по настоянию Рима, обещавшего не допускать подобной торговли впредь, отпустили их на родину. У Аппиана, как и всегда, резко антипуническая версия.

⁸ 238 г. до н. э. Ср. P o l y b., I, 88, 9 сл., откуда видно, что Сардиния была захвачена римлянами после восстания наемного карфагенского гарнизона в 238 г., а пеня в 1 200 талантов была уплачена Карфагеном в результате попытки удержать Сардинию за собой.

⁹ Относительно договора об уступке Сардинии см. Z o n., VIII, 18.

¹⁰ К этому месту Mendelssohn делает такое примечание: «В шестой главе должно было излагаться то, что Аппиан намеревался сказать о предполагавшихся или состоявшихся экспедициях в Африку Тиберия Семпрония Лонга (консула 536 [218] г.) и других римских вождей до Публия Корнелия Сципиона: см. Ib., 14. Однако не должно думать поэтому вместе с K e l l e r'ом, De Iuba Appiani Cassique Dionis auctore, Marb., 1872, стр. 29, что это место испорчено; скорее всего обещание было забыто».

¹¹ Сагунтинцы.

за помощью к римлянам, и карфагенянам в Иберии *не* была назначена граница с приказом не переходить за черту реки Ибера¹. И этот договор карфагеняне нарушили, перейдя Ибер под начальством Ганнибала. Когда они переправились на тот берег, то Ганнибал, предоставив власть над войском в Иберии другим, сам вторгся в Италию; римские полководцы в Иберии, двое братьев Публий Корнелий Сципион и Гней Корнелий Сципион, проявив себя блестящими победами, оба погибли в сражении с врагами. Полководцы, которые *были* после них, действовали плохо, пока Сципион, сын того Публия Сципиона, который погиб в Иберии, приплыв *туда*² и внушив всем, что *он* прибыл по *воле* божества и что относительно всего *он* пользуется божественным внушением, *не* стал одерживать блестящие победы; достигнув вследствие этого большой славы, он передал командование посланным ему на смену, а вернувшись в Рим, просил послать его полководцем в Ливию, чтобы заставить Ганнибала уйти из Италии и наказать карфагенян в их собственном отечестве³.

7.⁴ Из лиц, руководивших государством, некоторые возражали против этого, говоря, что неразумно *в то время*, как Италия опустела от столь значительных в недавнее время войн, когда ее еще опустошает Ганнибал, когда Магон на флангах набирает против нее наемниками лигуров и кельтов⁵, затевать поход в Ливию, что нечего протягивать руки к чужим землям, прежде *чем* не *будет* освобождена родная страна от настоящих бедствий; другие же думали, что карфагеняне, будучи теперь свободными от страха, ничем не беспокоимые дома, будут крепко держаться в Италии, но *если у них* начнется война на их родной земле, они пошлют и за Ганнибалом. Поэтому одержало верх мнение — отправить в Ливию Сципиона, хотя ему и не разрешили набирать войско в Италии, страдавшей еще от Ганнибала; добровольцев же, если такие есть, разрешили вести *с собой* и использовать тех, которые находились еще в Сицилии. Ему дали также возможность снарядить десять триэр и набрать *для* них экипаж, а также воспользоваться *триэрами*, бывшими в Сицилии. Не дали и денег, кроме тех, которые кто-нибудь по дружбе захочет дать Сципиону⁶. Так незаботливо относились вначале *римляне* к этой войне, оказавшейся *для* них вскоре величайшей и славнейшей.

8. А Сципион, *как бы* издавна предназначенный *божественной волей* на гибель Карфагена⁷, собрав кое-каких всадников и пехотинцев, самое большее до семи тысяч, перешел в Сицилию, имея около себя триста отборных юношей, которым *он* велел следовать *за собой* без оружия. Набрав еще триста из богатых сицилийцев, он велел *им* притти в определенный день с оружием и конями, самыми лучшими. Когда *они* прибыли, *он* предложил *им*, что если бы кто из них захотел, то он может дать *вместо себя* заместителя для военной службы. Когда все приняли его предложение, он вывел к ним триста *своих*, не имевших оружия, и приказал сицилийцам снарядить их *вооружением*. Они охотно стали передавать оружие и коней. Таким образом, Сципиону удалось иметь вместо сицилийцев триста юных итальянцев, прекрасно снаряженных чужими конями и оружием, почувствовавших за это сразу к нему *большую*

¹ Т. е. Эбро. Такое обещание было дано Гасдрубалом римскому посольству в Испании в 226 г. до н. э. (P o l y b., II, 3, 7).

² 210 г. до н. э.

³ Ср. выше, Hann., 56 сл.

⁴ 205 г. до н. э.

⁵ Ср. выше, Hann., 54.

⁶ Ср. Liv., XXVIII, 45 сл.

⁷ Ср. Liv., XXVI, 19 сл.; Dio, фр. 57, 38.

признательность; ими и впоследствии он пользовался во всем, как наиболее преданными ему¹.

9. Узнав это, карфагеняне послали Гасдрубала, сына Гескона², на охоту за слонами, а Магону, набравшему наемников в Лигистине³, послали пехотинцев до шести тысяч, восемьсот всадников и семь слонов и приказали ему, присоединив сколько может других войск, вторгнуться в Тиррению, чтобы отвлечь Сципиона от Ливии. Но Магон и тогда продолжал медлить, не имея возможности соединиться с Ганнибалом, далеко отстоявшим от него, и все время выжидая⁴ будущих событий. Гасдрубал, вернувшись с охоты, стал набирать из карфагенян и ливийцев пехотинцев, числом тех и других до шести тысяч, и шестьсот всадников; он купил до пяти тысяч рабов, чтобы посадить их грести во флоте; он взял две тысячи всадников, кроме того, он вербовал и наемников, и всех обучал, находясь в двухстах стадиях от номадов Карфагена.

10. У номадов же в Ливии было много царей, каждый над своей частью, выше же всех был Сифакс⁵, имевший и у других племен исключительный почет. С другой стороны, у массилив⁶, очень сильного племени, был сын царя Массанасса⁷, который вырос и воспитался в Карфагене; так как он был прекрасен по внешности и благороден характером, Гасдрубал, сын Гескона, не уступающий никому из карфагенян, предназначил ему в жены дочь, хотя Массанасса был номад, а он карфагенянин. Сосватав их, он, отправляясь полководцем в Иберию, взял с собой и юношу. Сифакс же, охваченный любовью к этой девушке, стал грабить владения карфагенян и Сципиону, приплывшему к нему из Иберии, обещал быть союзником, когда тот пойдет на карфагенян⁸. Заметив это и считая очень важным приобрести Сифакса в качестве союзника для войны против римлян, карфагеняне отдали ему девушку без ведома Гасдрубала и Массанассы, бывших в Иберии. Чрезвычайно страдая из-за этого, и Массанасса в свою очередь заключил союз в Иберии со Сципионом тайно, как он думал, от Гасдрубала⁹. Узнав об этом, Гасдрубал был глубоко оскорблен за юношу и за дочь, которые оба подверглись оскорблению, но хотел вместе с тем помочь отечеству, устранив Массанассу, и когда последний возвращался в Ливию из Иберии, вследствие смерти отца, он послал с ним в качестве провожатых всадников, которым приказал незаметно устроить на него покушение и убить его, как сумеют.

11. Заметив это, Массанасса ускользнул от них и старался укрепить унаследованную власть, собирая всадников, у которых и днем и ночью было одно дело: действуя большим количеством дротиков, все время налетать и отступать и опять налетать. И вся битва у них состоит в бегстве и преследовании. Эти номады умеют и переносить голод и зачастую питаются травой

¹ Ср. Liv., XXIX, 1 сл.

² Таково чтение лучших рукописей; в других рукописях и старых изданиях обычно: «Гискона». Карфагенский полководец, командовавший военными силами в Испании, а после переправы Сципиона в Африку в 204 г. до н. э. назначенный главнокомандующим всеми карфагенскими силами (Liv., XXIX, 35, 5 сл.).

³ Лигурии. О действиях Магона ср. выше, 7.

⁴ Конъектура Schweighäuser'a; рукопись: «предвидя».

⁵ Царь нумидийского племени массесилов, соседствовавших с маврами.

⁶ Нумидийское племя, границы которого простирались от массесилов до Сикки, соприкасаясь, таким образом, с владениями Карфагена (Strabo, XVII, 3, 13).

⁷ Массинисса латинских авторов; имя должно быть сопоставлено с племенными наименованиями массилив и массесилов.

⁸ См. у Ливия (XXIV, 48 сл.), соответственно которому союз Сифакса с Римом должен быть отнесен к 213 г. до н. э., к моменту проникновения Гнея и Публия Сципионов в южную Испанию.

⁹ Имеются в виду переговоры Массиниссы с Силаном, которого послал Сципион (см. Liv., XXIV, 16).

вместо хлеба; а пьют *они* вообще *только* воду. И конь у них совершенно не знает даже *вкуса* овса, всегда питаясь травой, пьет же с большими *промежутками*. Собрав таких *всадников* до двадцати тысяч, Массанасса выводил *их* на охоту или на грабеж других народов: *он* полагал, что это является и *выгодным* делом, и *военным* упражнением. Карфагеняне и Сифакс, считая, что приготовления юноши направлены против них (так как они не *могли* не сознавать, что оскорбили его), решили воевать сначала с ним, пока не покончат, и тогда *уже* встретиться с римлянами.

12. Сифакс и карфагеняне намного превосходили его *численностью*, но отправились *они* в поход с повозками и тяжелым багажом для *всякого* рода роскошной жизни; Массанасса же для всех был примером *перенесения* трудностей, у него была только конница и не было ни *вьючных животных*, ни продовольствия. Поэтому *он* легко и убегал, и нападал, и отступал в недоступные места. Часто, уже будучи окружен, *он* разделял войско на *мелкие отряды*, чтобы они убежали по частям, *кто* как может. Сам же он скрывался где-либо с немногими, пока ночью или вечером к нему в назначенное место не собирался *весь отряд*. Однажды он сам-третей скрывался, спрятавшись в пещере, когда вокруг пещеры стояли лагерь враги. *Он* не имел определенного места для лагеря, но *все его* военное искусство более *всего* состояло в том, чтобы скрывать, где когда *он* бывает. Поэтому враги не имели *возможности* непрерывно (συνεχῶς)¹ нападать на него, но *только* отражали его нападения. Что бы *им* ни захватывалось под вечер — местечко, деревня или город, — *все давало* ему *возможность* получать продовольствие каждый день: грабя все, *он* разделял *награбленное* между всеми. Поэтому к нему стекались многие из *номадов*, *хотя он* не платил *определенного* жалованья зачисленным в строй, но *они* получали значительные выгоды.

III, 13². Так Массанасса воевал с карфагенянами. Сципион же, когда у него все было приведено в надлежащий порядок в Сицилии, принес жертвы Зевсу и Посейдону и отправился в Ливию на пятидесяти двух длинных кораблях, на четырехстах грузовых; много следовало за ним разведочных и мелких судов. *Он* вел войско в количестве шестнадцати тысяч пеших и тысячи шестисот всадников³. Вез *он* с собой метательное и оборонительное оружие, разнообразные машины и много продовольствия. Так совершал свою переправу Сципион. Узнав об этом, карфагеняне и Сифакс решили в настоящий момент обмануть Массанассу и притворно заключить (ἐπαγαγέσθαι)⁴ с ним дружбу до того времени, пока они не одолеют Сципиона. Массанасса не мог не знать, что *его собираются* обмануть; отвечая на коварство коварством и сообщая все Сципиону, *он* прибыл к Гасдрубалу, как заключивший с *ним* мир, со своими всадниками. И *они* стали лагерем недалеко друг от друга, около города Утик: Гасдрубал с Сифаксом и отдельно Массанасса; около Утики стал лагерем и Сципион, занесенный сюда ветрами. Гасдрубал отстоял от него на небольшое расстояние, имея войска до двадцати тысяч пехотинцев, семи тысяч всадников и ста сорока слонов⁵.

14. Между тем Сифакс, или боясь, или оказавшись отчасти неверным по

¹ При чтении συνεχῶς — «часто»; Mendelssohn предлагает: εὐχερῶς — «спокойно», «удачно».

² 204 г. до н. э.

³ По сообщению Liv., XXIX, 25, 2, Сципион отбыл в Африку с 35 000 войска, цифра, которую принимает K a h r s t e d t, Gesch. d. Karth., III, 1913, стр. 542.

⁴ При чтении ἐπαγαγέσθαι; при чтении ἐπαγαγέσθαι (как издавалось до Mendelssohn'a) просто «заключить». Место вызвало много конъектур.

⁵ Liv., XXIX, 35: 30 000 пехоты и 3 000 конницы. По K a h r s t e d t'y, ук. соч., I, 543 — более 30 000.

отношению к обеим сторонам, под предлогом, что соседние варвары проявляют враждебные действия против его державы, уехал домой; а Сципион стал посылать небольшие отряды, чтобы вступать в схватки с Гасдрубалом, и даже из городов некоторые присоединились к нему. Ночью тайно Массанасса прибыл в лагерь Сципиона и, дружески принятый, научил его на следующий день послать не более пяти тысяч человек в засаду, небольшую крепость, отстоявшую от Утики стадиев на тридцать, где есть башня, выстроенная тираном сиракузян Агафоклом¹. С наступлением дня Массанасса стал убеждать Гасдрубала послать начальника конницы Ганнона разведать число врагов и быстро занять Утику, чтобы ввиду приближения врагов ее жители не устроили какого-либо переворота, а сам обещал, если ему будет приказано, следовать за ним. И вот Ганнон повел тысячу отборных карфагенских всадников и некоторое количество ливийцев, Массанасса же вел своих номадов; как только они прибыли к башне и Ганнон с небольшим числом всадников поскакал в Утику, появилась некоторая часть тех, которые находились в засаде, и Массанасса велел стоявшему во главе карфагенских всадников напасть на врагов, так как (ὥς)², говорил он, их мало. И сам следовал на близком расстоянии, как бы собираясь им помогать. Когда ливийцы оказались в середине между римлянами и Массанассой, бывшие в засаде появились в большом количестве и с обеих сторон, перекололи их копьями, римляне с одной стороны и Массанасса — с другой, кроме четырехсот, которые были взяты в плен³. Когда все это было закончено, Массанасса спешно двинулся, как друг, навстречу возвращающемуся (ἐπαιόντι)⁴ Ганнону; захватив Ганнона, он отвел его в лагерь Сципиона и отдал его Гасдрубалу в обмен на свою мать.

15. После этого Сципион и Массанасса опустошали страну и освобождали тех из римлян, которые скованными, копали на полях землю; они были присланы Ганнибалом из Иберии или Сицилии, или из самой Италии. Когда они осаждали большой город, которому было название Лоха⁵, и перенесли много трудностей, и когда уже представлены были к стенам лестницы, жители Лохи через глашатаев дали знать, что, если они получают обещание сохранить им жизнь, они покинут город. И Сципион приказал трубить отбой, чтобы отозвать войско; но воины вследствие гнева за то, что они претерпели, не послушались приказа и, взойдя на стены, стали избивать женщин и детей; оставшихся в живых жителей Лохи Сципион отпустил невредимыми, а войско лишил добычи, относительно же центурионов, которые оказались виновными в непослушании, велел перед всем собранием солдат бросить жребий и троих, на которых пал жребий, наказал смертью. Совершив это, он стал опять грабить страну. Гасдрубал же устроил им засаду, послав начальника конницы Магона с фронта, сам же двинувшись с тыла. Оказавшись между ними, Сципион и Массанасса разделили между собой командование боем и, обратившись каждый из них на каждого из врагов, убили пять тысяч ливийцев, тысячу восемьсот взяли в плен, остальных же загнали в скалы.

¹ Агафокл (317—289), выходец из низших слоев свободного населения, сиракузский тиран был смелым полководцем и в 311—307 гг., переправившись в Африку, воевал с карфагенянами. Башня Агафокла (или остатки его укрепленного лагеря) находилась к юго-востоку от Утики, близ Мензель Гула (K r o t h a u e r, Ant. Schlachtfelder, III, 1922, стр. 581).

² ὥς; при чтении ἑως — «пока».

³ Ср. L i v., XXIX, 34, 1.

⁴ При переводе использована конъектура Reiske и Mendelssohn'a: ἐπαιόντι.

⁵ Вероятно, идентичен городу Салека у L i v., XXIX, 34, 6, расположенному у современного пункта Дар Бобра (T i s s o t, Géogr. comp. de l'Afrique, I, 1884, стр. 552; ср. G s e l l, ук. соч., III, 218).

16. Тотчас после этого Сципион напал и суши с и с моря на Утику; соединив две пентеры, он поставил на них башню, откуда и посылал на врагов стрелы в три локтя длиной большие камни и тем причинил врагам много потерь, но и сам взамен много потерпел, так как его корабли разбивались; он воздвиг большие валы и, когда ему удавалось приблизиться, громил стену таранами, срезая косами шкуры и все другое, что было повешено на ней в качестве прикрытия. Жители города подрывали насыпи, отводили петлями косы и ослабляли силу таранов, набрасывая наискось бревна; они делали вылазки с огнем на машины, когда им удавалось подстеречь дуновение ветра в их сторону. Поэтому Сципион, отказавшись от мысли взять таким образом город, перешел к его осаде.

17. Сифакс, узнав о происходящем, пришел с войском и остановился недалеко от Гасдрубала. Еще притворяясь, что он друг обеим сторонам, и решив затянуть войну, пока у карфагенян не появятся другие уже строящиеся корабли и не придут какие-либо наемники из кельтов и лигуров, он попытался стать посредником в переговорах и считал справедливым, чтобы ни римляне не вторгались воевать в Ливию, ни карфагеняне не в Италию и чтобы римляне удержали Сицилию, Сардинию и, если они имеют, какие-нибудь другие острова, а также Иберию. Если же кто отвергнет эти условия, он будет союзником, сказал он, тех, кто их примет¹. Он одновременно делал это и пытался привлечь к себе Массанассу, обещая закрепить за ним державу масилиев и из дочерей, а их было три, отдать за него замуж, какую он захочет. Тот, кто должен был это сказать Массанассе, имел с собой и золото, чтобы, если Массанасса не будет им убежден, дать тому из его слуг, который пообещает убить Массанассу. Посланный, не убедив Массанассу, дал кому-то золото для убийства Массанассы; тот же, взяв золото, показал его Массанассе и уличил давшего.

18². Сифакс, не надеясь после этого, что сможет долее обманывать, явно соединился с карфагенянами и взял с помощью предательства город Толунт, находившийся внутри страны³, где было военное снаряжение римлян и много хлеба, из охранявших его он перебил тех, кто не захотел уйти под охраной договора, и вызвал к себе многих других из номадов. Были у них уже и наемники, и корабли их были в полном порядке, так что было решено воевать так, чтобы Сифакс двинулся на осаждавших Утику, Гасдрубал же — на лагерь Сципиона. Корабли они решили направить против кораблей, и произойти все это должно было на следующий день одновременно, чтобы римляне не могли противостоять им ввиду малочисленности.

IV, 19. Узнав об этом уже ночью от каких-то номадов, Массанасса передал это Сципиону. Последний испугался и опасался, что войско, разделенное у него на много частей, окажется всюду слабейшим. Поэтому тотчас же ночью он созвал на совещание начальников, и, так как все затруднялись, он после долгого раздумья сказал: «Нам нужны, о друзья, смелость и быстрота, и отчаянная битва. Предупредим врагов, напав на них. Сколько выгод мы из этого извлечем, вы уже сами поймете. Их поразит неожиданность нашего появления и самая невероятность поступка, что мы, будучи малочисленнее их, нападаем первыми; мы будем оперировать не разбитым на многие части войском, но собранным вместе, и поведем его не на всех врагов сразу, но на тех, кого мы выберем первыми. Каждый из них стоит сам по себе; и мы будем,

¹ Ср. Liv., XXIX, 4 сл.

² 203 г. до н. э.

³ Из других источников не известен; ближайшему отождествлению не поддается. Где-либо неподалеку от Утики. Ср. RE, VIA, I, 315.

сражаясь с ними по частям, равны им по численности, смелостью же и счастьем мы превосходим их. И если бог даст нам одолеть первых, к остальным мы сможем отнестись с презрением. На кого же из них прежде всего надо напасть, какое время и какой будет способ нападения, если вам угодно, я скажу вам свое мнение».

20. Когда все согласно просили его об этом, он сказал: «Что касается времени, то надо действовать тотчас после этого совещания, пока еще ночь, когда и наше нападение будет для врагов страшнее, когда у них ничего не будет готово и когда никто из их союзников не сможет им помочь в темноте. Только так предупредим мы их планы, поскольку нам известно, что на следующий день они нападут на нас. У них три лагеря, корабли далеко, и нельзя ночью нападать на корабли, Гасдрубал же и Сифакс недалеко друг от друга. Из этих двоих Гасдрубал является главой войны, Сифакс же ночью не решится ни на какой труд, как варвар, изнеженный и полный страха. Итак, мы нападём на Гасдрубала со всем войском; этому вот Массанассе поручим устроить засаду против Сифакса, если бы тот все же сверх ожидания вышел из лагеря. Мы, пехотинцы, направимся к валу Гасдрубала и, окружив его, нападём со всех сторон с доброй надеждой и со стремительной смелостью: настоящие обстоятельства требуют более всего этих двух качеств. Всадников (ведь пока еще ночь, ими пользоваться нельзя) я пошлю вперед окружить лагерь врагов на более далеком расстоянии, чтобы, если мы уступим силе, они приняли и прикрыли нас и мы могли прибегнуть к их дружеской помощи, если же мы одолеем, преследовали бы их выбегающих и приканчивали их».

21. Сказав это и распустив начальников для вооружения войска, он сам стал приносить жертвы Смелости и Страху¹, чтобы ничто, как это бывает ночью, не навело паники на его войско, но чтобы войско у него выказало возможно большую храбрость. Приблизительно в третью стражу² он дал знак к выступлению приглушенным звуком труб, и столь значительное войско стало двигаться в глубоком молчании, пока всадники не окружили врагов, а пехотинцы не подошли к их рву. Тогда со смешанным криком, затрубив одновременно во все трубы и рожки для устрашения врагов, они столкнули сторожей со сторожевых постов, стали засыпать ров и вытаскивать столбы лагерьной ограды. Самые смелые, прорвавшись вперед, подожгли несколько палаток. Ливийцы, пораженные страхом, вскакивали со сна, хватались за оружие и беспорядочно неслись строиться в ряды; из-за шума они не слушали приказаний, да и сам полководец не знал точно, что происходит. Между тем их, вскочивших на ноги, еще вооружавшихся и приведенных в смятение, римляне захватывали, поджигали еще большее число палаток и бивших на ногах убивали. Для ливийцев же крик врагов, их вид и действия были очень страшны, как это бывает ночью и вследствие неведения происходящего бедствия. Считая, что лагерь взят, страшась огня подожженных палаток, они сами выбежали из них и устремлялись на равнину, как в более безопасное место; отсюда вразброд, как кому удавалось, они разбегались в беспорядке и, натыкаясь на римских всадников, которые стояли вокруг лагеря, погибали.

22. Сифакс, еще ночью услышав крик и увидев огонь, не вышел из лагеря, но послал некоторых из всадников помочь Гасдрубалу; однако Массанасса, внезапно напав на них, произвел большое избиение. С наступлением дня, узнав, что Гасдрубал уже бежал, что из его войска

¹ Эти божества, известные как ипостаси или спутники Ареса уже с гомеровских времен, фигурировали нередко и в латинском эпосе (Val. Flacc., II, 204 сл.).

² Около 2 часов ночи.

одни погибли, другие взяты *в плен* врагами, а остальные рассеялись, и *что* римляне владеют *его* лагерем со всем снаряжением, Сифакс снялся с лагерь, бросившись бежать в смятении внутрь страны и оставив все, полагая, *что* тотчас после преследования карфагян Сципион явится, *чтобы* напасть на него. Поэтому и его лагерь со всем снаряжением, в нем находившимся, захватил Массанасса.

23. Таким образом, римляне, благодаря одной *только* смелости, в незначительную часть ночи овладели сразу двумя лагерями и *победили* два войска, гораздо более многочисленных, *чем их* собственное. Римляне погибли около ста человек, а врагов — без малого тридцать тысяч; в плен было взято две тысячи четыреста. *Из* всадников шестьсот сдались Сципиону, возвращающемуся *после победы*. *Из* слонов одни были убиты, другие ранены. Сципион овладел множеством оружия, золота, серебра и слоновой кости, конями, номадскими и другими, и поставил благодаря одной этой победе, оказавшейся столь блестящей, на колени все *могущество* карфагян. Войску он роздал *подарки* за храбрость, а *все* наиболее замечательное *из* добычи отправил в Рим. Войско же он *продолжал* старательно обучать, ожидая, что тотчас придут из Италии Ганнибал и *из области* лигуров — Магон¹.

24. Этим был занят Сципион², Гасдрубал же, полководец карфагян, раненый, убежал во время ночной битвы с пятьюстами всадников, в Анду³, стал собирать там кое-каких наемников, *успевших* вырваться из *этой* битвы, и номадов и призывал рабов, *давая им* свободу; узнав, что карфагяне приговорили его к смерти, как плохо начальствовавшего войском, и выбрали полководцем Ганнона, сына Бомилькара⁴, он, составляя свое собственное войско, присоединил *к нему* разбойников, грабил для пропитания, обучая тех, кого имел, — около трех тысяч всадников и восьми тысяч пехотинцев; ведь единственная его надежда теперь осталась в военных *действиях*. *И* вот, делая это, он долгое время оставался незамеченным ни римлянами, ни карфагянами. Между тем, Сципион повел вооруженное войско на самый Карфаген и надменно вызывал *карфагян* на битву, но никто не вышел *к нему*. А начальник *карфагенского* флота Гамилькар с сотней кораблей поспешно двинулся к корабельной стоянке Сципиона, надеясь предупредить его возвращение и бывшие там у римлян двадцать триер легко захватить *своими* ста кораблями.

25. Когда Сципион заметил, что Гамилькар вышел в море, он послал вперед людей загородить устье гавани грузовыми судами, поставленными на якорях, *оставив некоторые* промежутки, чтобы *через них*, как через ворота, выходили триеры, когда представится благоприятный случай; *кроме того*, он велел связать корабли мачтами и тесно соединить между собой в виде стены. Застав *их* за *этим* делом, *Сципион, вернувшись*, сам принялся за работу, и, *так как* карфагяне поражались и с кораблей, и с земли, и со стены, *их* корабли были повреждены; усталые, они вечером отплыли *назад*. Когда же они отходили, римские

¹ Ср. выше, 7; 9.

² Ср. Liv., XXX, 3, 1 сл.; ср. Kahrestedt, ук. соч., 549.

³ Ни Полибий (XIV, 6, 2), ни Ливий (XXX, 17, 1) не называют по имени этого города, указывая в то же время на его близость к Утике. Gsell, ук. соч., III, 227 сл., отождествляет его с Генхир Бу Джава, расположенным к юго-западу от Утики.

⁴ Об этом факте, не известном Полибию и Ливию, сообщает лишь Кассий Дион (Z o n., XII, 8), соединяющий в одно, подобно Аппиану, разгром Сципионом лагеря Гасдрубала близ Утики и сражение на «Больших полях» (P o l y b., XIV, 8, 2), о котором у Аппиана ничего не говорится. Ганнон, сын Бомилькара, должен быть идентичен с упоминавшимся Напп., 20, племянником Ганнибала Ганноном (ср. RE, VII, 2, 2357).

суда *их* преследовали, выезжая через промежутки и отступая, когда подвергались нападению. Один корабль, без людей, *они* взяли на буксир и привели к Сципиону¹. После этого и те и другие стали на зимовку. Римлянам подвозился провиант по морю в большом количестве, жители же Утики и карфагеняне, голодая, грабили купцов, пока другие корабли римлян, посланные Сципиону, не стали выслеживать врагов и мешать разбоям. Карфагеняне уже сильно страдали от голода.

V. 26. В ту же зиму, когда Сифакс находился поблизости, Массанасса попросил у Сципиона, в дополнение к собственному войску, третью часть римского и, получив ее (римлянами предводительствовал Лелий²), стал преследовать Сифакса. Тот все время ускользал от них, пока, наконец, замеченный около какой-то реки, не вынужден был построиться для битвы. Номады с обеих сторон, по своему обычаю, выпускали друг против друга великое множество стрел и копий, римляне же, выдвинув вперед щиты, наступали. Видя Массанассу, Сифакс в гневе бросился на него; тот же в свою очередь радостно поскакал навстречу. Когда вокруг обоих загорелся сильный бой, люди Сифакса, обратившись в бегство, стали переплывать реку; тут кто-то ранил коня самого Сифакса, и он сбросил с себя своего господина; Массанасса, налетев, взял в плен самого Сифакса и одного из его сыновей и тотчас же отправил их к Сципиону. В этой битве со стороны Сифакса было убито десять тысяч, со стороны римлян — семьдесят пять, а у Массанассы — триста человек. И пленных из войска Сифакса оказалось четыре тысячи. В их числе было две тысячи пятьсот массилиев, перешедших к Сифаксу от Массанассы; их Массанасса по этой причине выпросил у Лелия и, получив, перерезал.

27. После этого они двинулись к массилиям и в царство Сифакса; первых они опять подчинили власти Массанассы, а вторых³ привлекли на свою сторону, принудив непокорных силой. Прибыли к ним и послы из Цирты⁴, передавая им дворец Сифакса, специально же к Массанассе прибыли другие послы от Софонибы⁵, жены Сифакса, рассказать о ее браке по принуждению. Приняв с радостью Софонибу, Массанасса женился на ней; отправляясь сам к Сципиону, он, уже предвидя будущее, оставил ее в Цирте. Сципион же спрашивал Сифакса: «Какой демон заставил тебя, бывшего мне другом и побуждавшего меня притти в Ливию, обмануть богов, которыми ты клялся, обмануть вместе с богами римлян и предпочесть воевать в союзе с карфагенянами вместо союза с римлянами, которые недавно помогли тебе против карфагенян?...» Тот же сказал: «Софониба, дочь Гасдрубала, которую я полюбил себе на гибель. Она сильно любит свое отечество и способна всякого склонить к тому, чего она хочет. Она меня из вашего друга сделала другом своего отечества и из такого счастья свергла в это бедствие. Тебя же я предупреждаю, ибо нужно, чтобы, став вашим другом и избавившись от влияния Софонибы, я хранил бы теперь вам твердую верность: берегись Софонибы, чтобы она не увлекла

¹ Ср. Polyb., XIV, 9 сл.; Liv., XXX, 9 сл.

² Гай Лелий, один из видных помощников Сципиона, использовавшийся им то в качестве командующего флотом (Liv., XXVI, 49, 4), то в качестве легата (XXVI, 51, 1).

³ Т. е. подданных Сифакса.

⁴ Укрепленный город в Нумидии, на левом берегу реки Амисага, на месте современной Константины, столицы Нумидийского царства, созданного Сифаксом (Liv., XXX, 12).

⁵ Дочь Гасдрубала, сына Гескона, помолвленная с Массиниссой, но выданная замуж за Сифакса (см. выше, 10; ср. Dio d., XXVII, 7; Polyb., XIV, 1, 4; 7, 6).

Массанассу к тому, *чего она хочет*. Нечего надеяться, *что эта женщина*¹ перейдет когда-либо на сторону римлян: так сильно она любит свой город».

28. Так он говорил, или говоря правду, или из-за ревности и желая как *можно* больше повредить Массанассе; Сципион же привлекал Сифакса, казавшегося разумным и знающим страну, к *обсуждению* государственных вопросов и прислушивался к его мнениям и советам, подобно тому, как и Кир пользовался *советами* Креза Лидийского², а когда прибыл Лелий и сказал, что он от многих узнал то *же* самое о Софонибе, Сципион приказал Массанассе передать жену Сифакса *римлянам*. Когда же Массанасса стал умолять и рассказывать, какие у него были с ней в прежнее время отношения, Сципион *еще* более резко приказал ему ничего не брать самовольно из римской добычи, но, отдав *ее*, просить и убеждать *вернуть ее ему*, если можно. Массанасса отправился тогда с несколькими римлянами, чтобы передать им Софонибу. Но, тайно неся ей яд, он первый встретился с ней, рассказал о положении *дел* и предложил или выпить яд, или добровольно отдаться в рабство римлянам. И, не сказав ничего *больше*, он погнал коня. Она же, показав кормилице килик и попросив *не* оплакивать *ее*, так славно умирающую, выпила яд. Массанасса, показав ее тело прибывшим римлянам и похоронив по-царски, вернулся к Сципиону. Последний, похвалив его и утешив, *говоря*, что он избавился от плохой женщины, увенчал его за поход на Сифакса и одарил многими дарами. Когда Сифакс был привезен в Рим, то некоторые предлагали сохранить его жизнь, так как он был им другом и союзником, когда они воевали в Иберии, другие же *предлагали* его наказать, поскольку он поднял оружие *против* друзей. Но Сифакс, захворав от огорчения, умер³.

29. Гасдрубал же, когда хорошо обучил бывших с ним, послал к полководцу карфагенян Ганнону одного человека, требуя, *чтобы* Ганнон принял его участником в командовании. Он указал, что многие иберы находятся в *войске* Сципиона против воли; и что если кто-либо подкупит их золотом и обещаниями, они подожгут лагерь Сципиона. Он сказал, что и сам он, если узнает вперед время *действия*, явится туда. Вот что говорил Гасдрубал. Ганнон же, имея коварные намерения против Гасдрубала, все же не считал это предприятие безнадежным, но послал с золотом в лагерь Сципиона под видом перебежчика верного *ему* человека. Он, вызывая к себе доверие, встречался с каждым из *воинов*, многих подкупил и, назначив им день, ушел назад. И Ганнон передал Гасдрубалу о *назначенном* дне. Когда Сципион приносил жертвы, они указывали ему опасность от пожара; поэтому он разослал *людей* по всему лагерю, чтобы *каждый*, кто видел какой-либо огонь, горевший очень сильно, прекращал его. И опять в *продолжение* многих дней он приносил жертвы. И, так как жертвы не переставали указывать на пожар, он беспокоился и подумывал о том, *чтобы* перенести лагерь.

30. Между тем, слуга одного римского всадника, *родом* ибер, заподозрив нечто относительно задуманной измены, притворился соучастником, пока не узнал всего, и тогда донес об этом господину, который отвел его к Сципиону, и там он уличил всех. Сципион всех казнил и *трупы* их выбросил перед лагерем. Ганнону, бывшему очень близко, это стало известно, и он не пошел в назначенное место, Гасдрубал же, не зная *этого*, явился. Когда же он увидал

¹ Буквально: «бабенка».

² Нег., I, 88 сл.

³ Полибий утверждает, что Сифакс умер после триумфа Сципиона, в котором он фигурировал вместе с прочими пленниками (в 201 г. до н. э.). Однако этому противоречит сообщение Л и в и я (XXX, 45, 2), соответственно которому он умер до этого в Тибуре.

множество мертвых, он понял происшедшее и удалился. И Ганнон стал на него клеветать перед народом, будто он явился к Сципиону, чтобы сдать, а тот его не принял. Из-за этого Гасдрубал стал еще более ненавистен карфагенянам; в то же самое время Гамилькар, внезапно напав на корабли римлян, захватил одну триэру и шесть грузовых судов, Ганнон же, напав на осаждавших Утику, был отбит. Так как осада была длительной, Сципион снял ее, не достигнув ничего, а машины переправил к городу Гиппону (Ἰππῶνα)¹. Но так как и здесь ему ничто не удавалось, то, сжегши машины, как бесполезные, он стал быстро передвигаться по стране, одних привлекая к дружбе, других же грабя.

VI, 31. Карфагеняне, недовольные неудачами, выбрали Ганнибала военачальником с неограниченными полномочиями и послали начальника флота² с кораблями, чтобы побудить его к скорейшей переправе в Ливию. Одновременно с этим они отправили послов к Сципиону относительно мира, считая, что во всяком случае они добьются чего-либо одного: или получают мир, или затянут время, пока не прибудет Ганнибал. Сципион дал им перемирие и, получив от них средства для содержания войска, разрешил им отправить послов в Рим; они отправили послов, которые остановились вне стен, как являвшиеся еще врагами, и, введенные в сенат, стали просить о возможности получить прощение. Из сенаторов же одни напоминали о вероломстве карфагенян, о том, сколько раз они заключали соглашения и преступали их, о том, сколько страшного сделал Ганнибал римлянам и союзникам римлян и в Иберии и в Италии; другие же указывали, что мир будет полезен римлянам не меньше, чем карфагенянам, так как Италия истощена столькими войнами; они последовательно излагали, что будущее полно опасностей, когда против Сципиона немедленно двинутся с огромными войсками Ганнибал из Италии, Магон из области лигуров и Ганнон из-под Карфагена.

32. Будучи в нерешительности, сенат послал Сципиону советников, с которыми он мог бы обсудить и выполнить то, что он найдет полезным. Он согласился на мир с карфагенянами на следующих условиях: Магону немедленно отплыть из области лигуров и на остальное время карфагенянам не набирать наемников, иметь длинных кораблей не больше тридцати, не вмешиваться в чужие дела, ограничиваясь тем, что находится в пределах так называемых финикийских рвов³, отдать римлянам скольких они имеют из них пленных и перебежчиков, внести им тысячу шестьсот талантов серебра⁴ в определенное время; Массанассе — владеть массилиями и всем, чем может, из царства Сифакса. На этом они договорились друг с другом. И послы отплыли, одни в Рим, чтобы принять клятву от консулов, другие из Рима в Карфаген, и власти карфагенян поклялись им. Массанассе же римляне в знак признательности за союз послали венок из золота, золотую печать, курульное кресло из слоновой кости, порфиру, римскую одежду, златоузкого коня и полное вооружение.

33. Пока все это еще происходило, Ганнибал против воли плыл в Карфаген, предвидя неверность народа к своим правителям и быструю пере-

¹ Скорее всего Hippo Diarrhytus, расположенный к западу от Утики, см. о нем ниже, 111; 135, где он фигурирует под именем Гиппагреты (Гиппакрит Полибия, I, 70, 9). У других авторов нет сообщений об этом предприятии Сципиона. Ср. Gsell, ук. соч., III, 236, прим. 1.

² Гасдрубала, см. Hann., 58.

³ Речь идет о рве, ограничивавшем основную территорию Карфагена, существовавшем в эпоху Ганнибаловой войны (по свидетельству Эвмаха, FHG, III, 102) и вырытом, быть может, еще в эпоху Гамилькара Барки (Nep., Hann., II, 5). Ср. Gsell, II, 1929, стр. 101 сл.

⁴ По Полибию (XV, 7, 8) и Ливию (XXX, 16, 10) 5 000 талантов.

менчивость его настроений. Сомневаясь еще, будет ли заключен мир, а если это и случится, хорошо зная, что он будет соблюдаться недолго, он прибыл в Гадрумет¹, город Ливии, стал собирать хлеб, разослал людей для покупки коней и привлек к дружбе царя номадов, называемых араекидами². Четыре же тысячи всадников, которые явились к нему в качестве перебежчиков и которые, будучи подчинены некогда Сифаксу, оказались теперь под властью Массанассы, он, заподозрив в предательстве, велел перебить, а коней роздал войску. Прибыл к нему и другой царек Месотил³ с тысячью всадников и Вермина, второй сын Сифакса, правивший еще над большей частью отцовского царства⁴. Города Массанассы Сципион подчинил себе одни добровольно, другие же силой. Так, Нарку⁵ он взял хитростью следующим образом. Пользуясь их рынком⁶, он посылал в город своих людей, как к друзьям. Когда же он решил напасть на них, он послал большое число воинов, тайно имевших при себе ножи, которым велел хорошо обращаться с торгующими, пока они не услышат звуки труб, тогда же нападать на всех, кто попадаетея им навстречу, и охранять для него ворота.

34. Так была взята Нарка. Карфагеняне же, хотя и заключили соглашение, когда Сципион находился еще на их территории, а их собственные послы не вернулись еще из Рима, разграбили продовольствие, предназначавшееся Сципиону и занесенное ветрами в Карфаген, а сопровождавших его заключили в оковы; хотя буле (βουλῆς)⁷ всячески грозило им и убеждало не нарушать только что заключенного перемирия, они поносили и соглашение, как заключенное несправедливо, и говорили, что голод их беспокоит больше, чем нарушение договора. Сципион между тем не считал достойным возобновлять войну после заключения договора, но требовал удовлетворения как от друзей, нарушивших обязательства. Но они хотели схватить и послов его, чтобы держать их, пока не вернутся к ним из Рима их собственные послы. Но Ганнон Великий и Гасдрубал Козел⁸ вырвали их из рук толпы и отослали в сопровождении двух триэров; но другие убедили начальника флота Гасдрубала, стоявшего у мыса Аполлона, как только уйдут сопровождающие триэры, напасть на послов Сципиона. Он напал, и из послов некоторые были убиты стрелами, остальные же ранены и, гребя изо всех сил, успели войти в гавань своего лагеря и соскочили с корабля, уже захватывавшегося врагами: настолько близка была для них возможность стать пленниками.

35. Когда в самом Риме узнали об этом, то было отдано приказание, чтобы послы карфагенян, которые там еще находились по вопросу о мире, немедленно отплыли назад как враги. Они отплыли и бурей были занесены в лагерь Сципиона; начальнику флота, спросившему о них, что должно де-

¹ Крупный город, финикийская колония на Бизакенском берегу, к югу от Карфагена, P l i n., NH, V, 25.

² У других авторов не упоминаются. Быть может, этого царька, называя его Тихеем, имеет в виду П о л и б и й (XV, 3, 5 сл.); ср. G e l l, III, 251, 255.

³ Идентичен, видимо, Мазетулли Л и в и я (XXI, 31), находившемуся на стороне Массиниссы в его борьбе с Сифаксом.

⁴ Ср. L i v., XXIX, 33, 2. По Кассию Диону (Z o n., IX, 13), он попал в плен вместе с отцом.

⁵ Город во владениях Массиниссы. У других авторов не упоминается. Ср. R E, дополнительный том VI, 642.

⁶ Т. е. рынком жителей Нарки.

⁷ Βουλῆ; речь идет, скорее всего, о совете трехсот, который П о л и б и й обозначает словом σύγκλητος (X, 18, 1), а Л и в и й называет сенатом (XXX, 16, 3), в отличие от совета в более узком смысле слова (из 30 членов), упоминаемого ниже (L i v., 30) и именуемого греческими авторами γερουσία; Л и в и й (там же) говорит о нем как о triginta seniorum principes.

⁸ Вожди антибаркидской партии в Карфагене. Ср. ниже, 49; P o l y b., I, 67 сл. L i v., XXX, 42 сл.

лать с ними, Сципион сказал: «Не позволять ничего подобного карфагенскому вероломству, но отпустить их невредимыми». Герусия (γερουσία), узнав об этом, упрекала народ, сравнивая эти два поступка, и советовала и теперь просить Сципиона сохранить соглашение и получить от карфагенян удовлетворение за совершенную несправедливость. Но они, уже давно недовольные и самой герусией за плохое ведение дел, за то, что она не предвидела как следует, что для них полезно, подстрекаемые народными льстецами и возбуждаемые бессмысленными надеждами, призывали Ганнибала с войском, какое у него было.

36¹. Он же, видя размеры войны, приказал им призвать Гасдрубала с бывшими при нем силами. И вот Гасдрубал, освобожденный от произнесенного над ним приговора, передал войско Ганнибалу, но даже и теперь не решался показываться карфагенянам, но скрывался в городе; Сципион же, поставив корабли поблизости от Карфагена, препятствовал доставке карфагенянам с моря продовольствия, причем и с суши они не могли получать много продуктов, так как земля из-за войны была незасеяна. В те же дни произошло конное сражение Ганнибала и Сципиона около Замы (Ζάμας)², в котором Сципион получил перевес³; в следующие дни были взаимные столкновения легковооруженных, пока Сципион, заметив, что Ганнибал испытывает сильный недостаток продовольствия и ожидает его подвоза, не послал ночью трибуна Ферма⁴ против тех, кто вез это продовольствие. Ферм, заняв холм в узком проходе, убил до четырех тысяч ливийцев и столько же взял живыми в плен, а продовольствие доставил Сципиону.

37. Доведенный до крайности недостатком продовольствия и обдумывая, как может разрешиться настоящее положение дел, Ганнибал отправил к Массанассе послов, напоминая ему о его жизни и воспитании в Карфагене и призывая помочь ему заключить договор со Сципионом, ибо прежние проступки были, говорил он, проступками народа и тех, кто еще неразумнее народа. Массанасса, действительно выросший и воспитанный в Карфагене, питая уважение к достоинству города и будучи другом еще многим из тех, кто там жил, обратился с просьбой к Сципиону и примирил их опять на тех условиях, что карфагеняне отдают корабли и людей, которых они взяли, когда те везли продовольствие римлянам, возвращают все разграбленное или же возмещают потерянное по цене, какую установит Сципион, и, как штраф за совершенную несправедливость, вносят тысячу талантов; таково было соглашение; было заключено перемирие, пока карфагеняне не узнают этих условий. Так пришло к Ганнибалу неожиданное спасение.⁵

¹ 202 г. до н. э.

² Местоположение древней Замы, около которой произошло знаменитое сражение, неизвестно в точности, прежде всего потому, что античная традиция (подтверждаемая эпиграфическими находками) знает по крайней мере две Замы в Северной Африке (см. G s e l l, III, 255 сл.). Вероятнее всего, сражение Сципиона с Ганнибалом имело место или у современной Джамы, где локализуется обычно Zama Regia, столица Юбы (V i t r., VIII, 3, 24), или у Сиди Амор эль Джедиди, где найдена была надпись (C I L, VIII, 12018) с упоминанием colonia Zamensis.

³ Рассказ Аппиана отличается здесь особенно резко от повествований Полибия и Ливия. В частности, он упоминает о битве при Заме как о незначительном столкновении конницы; описывая ниже сражение, известное под этим именем (N e r., Hann., VI, 3) и определившее исход африканской кампании Сципиона, он называет его сражением при Килле (A p r., Lib., 40), тогда как П о л и б и й (XV, 5 сл.) и Л и в и й (XXX, 29, 9) называют пункт, у которого расположился лагерь Сципиона, Маргарон (Наркара). Что касается до сражения при Заме, то Ливий, подобно Непоту, упоминает сражение при Заме, тогда как у Полибия оно не фигурирует.

⁴ Этот, называемый в тексте хилиархом, военачальник Сципиона ближе не известен.

⁵ Ср. выше, 31, рассказ о перемирии, заключенном Сципионом с Карфагеном, дублетом чего, скорее всего, является настоящее сообщение.

VII, 38. Буле (βουλή) карфагенян с большим удовольствием одобрила этот договор и убеждала народ держаться *этих* решений, указывая на положение, тяжелое во всех *отношениях*, на теперешний недостаток войска, денег и продовольствия. Но, как это ей *свойственно*, чернь неразумно полагала, что карфагенские полководцы в своих *интересах* заключили с римлянами этот договор, чтобы с их помощью властвовать над отечеством: «что теперь *делает* Ганнибал, незадолго *до этого* сделал, — говорили они, — и Гасдрубал, *который*, сдав ночью лагерь врагам, через небольшой *промежуток времени* захотел *и самого* себя отдать Сципиону, приблизившись для этого *к его лагерю*, а теперь скрывается в городе». Когда при этих *словах* поднялись крик и смятение, некоторые, покинув народное собрание, стали, обходя город, искать Гасдрубала. Но он успел раньше бежать в гробницу отца и *там*, приняв яд, лишил себя жизни: однако они извлекли оттуда его труп и, отрубив ему голову, стали носить *ее* на копье по городу. Так Гасдрубал и *в первый раз* был изгнан несправедливо, и вторично ложно был оклеветан Ганнионом и тогда был присужден карфагенянами к смерти, и даже после смерти подвергся *с их стороны* таким оскорблениям¹.

39. Карфагеняне приказали Ганнибалу прервать перемирие, воевать со Сципионом и *ввиду* недостатка *продовольствия* возможно скорее решить войну сражением. Ганнибал, послав *сообщить об этом* Сципиону, прекратил перемирие, а Сципион, напав тотчас же на большой город Парт (Πάρδος)², взял *его* и переместил лагерь ближе к Ганнибалу. Тот снялся *с лагеря*, послав к римлянам трех разведчиков, которых Сципион взял *в плен*, но не убил, как обычно убивают разведчиков, а, приказав провести *их* по лагерю, по арсеналам и машинам и показать *им* обучаемое войско, отпустил их, чтобы они обо всем рассказали Ганнибалу. А Ганнибал решил еще раз сойтись для переговоров со Сципионом и, сойдясь, стал говорить, что карфагеняне вознегодовали на прежний мир из-за денег, и если это устранить, а римляне сочли бы достаточным владеть только Сицилией, Иберией и островами, *над которыми они* властвуют, то соглашение будет твердым. Сципион ему ответил: «Много выгоды будет у Ганнибала за бегство из Италии, если *он* получит от Сципиона *согласие на это*». И запретил еще раз посылать к нему *послов*. После взаимных угроз *они* отправились каждый в свой лагерь.

40. Поблизости был город Килла (Κίλλα)³ и около него холм, удобный для разбивки лагеря; имея намерение захватить его, Ганнибал послал некоторых *людей* разместить *на нем* лагерь и, тотчас снявшись *с места*, двинулся, как *будто* имея *уже* холм *в своих руках*. Но *так как* Сципион его предупредил и раньше захватил холм, то, не допущенный *туда*, он всю ночь провел посреди равнины, лишенной воды, все время копая колодцы; его войско, выгребая песок, с трудом находило *себе* немного мутной воды *для* питья; без отдыха и пищи, некоторые *даже* в оружии, *его* воины провели ночь. Заметив это, Сципион на самом рассвете двинулся *на них*, утомленных дорогой, бессонницей и жаждой. Ганнибал был недоволен, *что ему приходится* вступать в сражение не *тогда*, когда *ему* бы хотелось,

¹ Ср. версию Кассия Диона (Z o n., IX, 13).

² Πάρδος или Πάρδος ближе не известен, локализуется где-либо неподалеку от Замы.

³ Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Полибий, называя у места расположения лагеря Сципиона город Маргарон, приводит, однако, то же сообщение, что и Аппиан — ниже, в этой же главе — о преимуществах позиции Сципиона в отношении питьевой воды (P o l y b., XV, 5, 14). Наименование Κίλλα тождественно, может быть, с именем некоего древнего пункта, расположенного недалеко от Джамы, где была найдена надпись с упоминанием Chellenses Numidae (CIL, VIII, 16352). Ср. G s e l l, III, 263.

но видел, что если *он* останется на месте, то будет страдать от отсутствия воды; а если будет отступать, *то этим он* подымет дух у неприятелей и они, нападающие на него *стыла*, причинят ему много неприятностей. Поэтому Ганнибалу необходимо было вступить в сражение. *Он* тотчас же построил свое войско, имея до пятидесяти тысяч человек и восемьдесят слонов¹. Стараясь внушить наибольший страх, он поставил первыми слонов с промежутками по всему фронту. За ними находилась третья часть войска, кельты и лигуры; с ними всюду были перемешаны стрелки и пращники, маврусии и гимнесии. Позади них находилась вторая линия, карфагеняне и ливийцы. Третьими же *были* все, которые последовали за ним из Италии. *На* них *он* особенно полагался, так как *им приходилось* особенно бояться победы римлян. Конница стояла на флангах.

41. Так выстроил войско Ганнибал, у Сципиона же было около двадцати трех тысяч пехотинцев, а всадников из итальянцев и римлян — тысяча пятьсот². Вместе с ним сражался и Массанасса со многими всадниками-номадами и другой царек Дакама³ с шестьюстами всадников. Пехоту и Сципион, подобно Ганнибалу, построил в три линии, и все отряды поставил правильно друг за другом, чтобы между ними легко могли проезжать всадники. По фронту каждого отряда *он* поставил лучших бойцов, которые должны были бросать руками, как стрелы катапульты, в подходивших слонов толстые древка в два локтя длиной, крепкие и в своей большей части обитые железом. И им и остальным пехотинцам было приказано уклоняться от нападения зверей и, разбегаясь, постоянно бросать в них дротики или, приближаясь возможно ближе, подрезать *им* жилы на ногах. Так были построены у Сципиона пехотинцы; всадников номадских, привычных переносить вид и запах слонов, *он* поставил на флангах, итальянских же, ввиду *их* непривычки к этому, — позади всех, они готовы были двинуться через промежутки, когда пехотинцы выдержат первый натиск слонов. У каждого из этих всадников был помощник, несший большое количество дротиков, которыми он собирался отражать зверей. Так обстояло у него дело с конницей; командование правым флангом *он* передал Лелию, левым — Октавию⁴. В середине стоял *он* сам, как и Ганнибал, ввиду взаимного уважения к доблести друг друга, имея около себя всадников, чтобы помогать там, где они увидят своих попавшими в тяжелое положение: Ганнибал — четыре тысячи, Сципион — две тысячи и триста итальянцев, которых *он* сам вооружил в Сицилии.

42. Когда у них было все готово, каждый стал объезжать своих, ободряя *их*; Сципион на глазах у воинов призывал богов, которых оскорбляли карфагеняне всякий раз, когда нарушали соглашения, и просил войско смотреть не на множество врагов, но на свою доблесть, которой *они* и раньше одолели этих врагов, хотя *их* на этой же земле было и больше. Если и у победивших есть по отношению к будущему страх или неуверенность, или колебание, насколько больше необходимо должно быть это у побежденных. Так возбуждал своих Сципион и успокаивал их относительно малочисленности; Ганнибал же напоминал своим о делах, совершенных ими в Италии, сколько блестящего и великого *они* сделали, не против

¹ Расчеты Полибия согласуются с этими данными (XV, 14, 9).

² Цифра эта преуменьшена и противоречит, во всяком случае, в отношении конницы, сказанному в конце этой же главы, где говорится, что Сципион, расположив свою конницу по флангам и в арьергарде, имел при себе еще 2 300 всадников.

³ У других авторов не засвидетельствовано.

⁴ Гней Октавий, военный трибун 216 г. и претор 205 г. до н. э. (L i v., XXVIII, 38, 11), отличившийся в битве при Каннах и во время пропреторства в Сардинии в 203 г. (L i v., XXVIII, 46, 11). Вряд ли он, однако, командовал левым флангом при Заме, ибо засвидетельствовано, что Лелий (см. о нем выше, 26) командовал конницей на левом фланге (P o l y b., XV, 9, 8; L i v., XXXIII, 2, 16).

номадов, но против всех италийцев в Италии, и с того места, где стоял, указывал на малочисленность врагов и призывал их, чтобы они, будучи более многочисленными, не показали себя на родной земле худшими, чем менее многочисленные враги. Каждый выставлял своим опасность и величие настоящего состязания: Ганнибал, указывая, что это состязание решает судьбу Карфагена и всей Ливии, быть ли ей в рабстве в случае поражения или в дальнейшем властвовать над всем, что они захватили, Сципион же — что в случае поражения для римлян нет даже безопасного отступления, если же они победят, их государство станет еще более могущественным, им самим это даст отдых от настоящих трудов, возможность вернуться домой и славу на будущее время.

43. Так, каждый воодушевляя своих, они начали битву — Ганнибал, подав знак к наступлению трубами, Сципион, приказав ответить тем же. Когда войска сошлись, начали сражение слоны, снаряженные для внушения ужаса и возбуждаемые уколами стрелами со стороны тех, кто на них сидел; но всадники-номады, носясь вокруг них, метали в них дротики один за другим, пока вожаки не вывели их из битвы, израненных, бросившихся бежать и уже переставших слушаться. Так было со слонами, стоявшими на флангах, стоявшие же в середине фаланги стали топтать римских пехотинцев, бывших неопытными в такой битве, малоподвижных вследствие своего тяжелого вооружения и поэтому не имевших возможности легко от них убежать или их преследовать, пока Сципион не приказал италийским всадникам, выстроенным позади и имевшим более легкое вооружение, соскочить с испуганных коней и, окружив слонов, забросать их дротиками. И он сам, первый соскочив с коня, ранил шедшего впереди слона. Его пример внушил смелость другим и они стали уже отовсюду наносить слонам раны; тогда отступили и слоны.

44. Когда с поля битвы были удалены звери, началось состязание одних лишь мужей и коней. Правое крыло римлян, которым командовал Лелий, обращает в бегство стоящих против него номадов, после того как Массанасса ударом копья убил их царька Массату¹; быстро явившись им на помощь, Ганнибал восстановил положение. На левом же крыле, где римлянами командовал Октавий, а у неприятелей стояли кельты и лигуры, и тем и другим приходилось очень плохо. Сципион послал им на помощь трибуна Ферма² с отборным отрядом; Ганнибал же, когда восстановил порядок на левом крыле, поскакал к лигурам и кельтам, ведя с собой вторую линию карфагенян и ливийцев. Видя его, Сципион, в свою очередь, явился туда со вторым рядом своих солдат. Таким образом, сошлись на бой два лучших полководца; те, кто был под их начальством, блестяще вели это состязание, полные уважения к своим вождям; и у тех и у других не было недостатка в решимости; и бой, и увещания были решительными и сильными.

45. Так как битва была долгой и нерешительной, вожди, жалея своих усталых воинов, бросились друг на друга, чтобы личной схваткой ускорить окончание боя. Оба одновременно бросили копья, Сципион попал в щит Ганнибала, а Ганнибал — в коня Сципиона. Конь, страдая от раны, унес Сципиона назад, пока тот, пересев на другого коня, вновь не бросил дротика в Ганнибала. Но и тогда он не попал в него, но убил находившегося поблизости всадника. В это время, узнав об этом, явился и Массанасса. Римляне, видя, что их полководец сражается за них, как простой воин, с большей силой бросились на врагов, обратили их в бегство и стали преследовать бегающих; те уже не повиновались Ганнибалу, который верхом обследовал их и уговаривал их остановиться и вновь испытать военное счастье.

¹ Ближе не известен.

² См. о нем выше, 36.

Тогда, потеряв надежду на них, Ганнибал повел в бой тех, которые с ним прибыли из Италии и находились еще в резерве и не двигались с места; он надеялся напасть на римлян, во время преследования расстроивших свои ряды. Те же, разгадав его намерение, ревностно стали отзываться друг друга от преследования и снова построились для боя. Так как у них не было коней, не было уже и дротиков, они пустили друг против друга в ход мечи и вступили в рукопашный бой. Здесь произошло страшное избиение, наносились жестокие раны, раздавались стоны падающих, громкие радостные крики убивавших, пока, наконец, итальяцы¹ и этих не обратили в бегство и не стали преследовать бегущих и не произошло, таким образом, блестящее завершение войны.

46. Во время бегства Ганнибал, заметив множество собравшихся вместе всадников-номадов, быстро подъехав к ним, просил не покидать его и, убедив, напал на преследующих, понадеявшись, что он сможет как-нибудь организовать обратное преследование. Столкнувшись прежде всего с массалиями, он вступил с ними в сражение, и это было единоборство между стоявшими друг против друга Массанассой и Ганнибалом. Когда и они понеслись друг на друга, полные возбуждения, Массанасса, бросив копьё, попал в щит Ганнибала, Ганнибал и на этот раз поразил у противника коня. Массанасса, выбитый из седла, пеший устремился на Ганнибала и, ударив напавшего на него прежде других всадника, убил его. Приняв копьё остальных на щит из слоновой кожи, он вытащил одно из копий, застрявших в щите, и, бросив его в Ганнибала, снова не попал в него, но, подобно Сципиону, убил находившегося поблизости всадника. Извлекая же второе копьё, он был ранен в руку и на короткое время вышел из боя. Сципион, узнав об этом, испугался за Массанассу и поспешил к месту боя, где нашел Массанассу перевязавшим рану и снова несущимся на другом коне в бой. И вновь у них завязался равный для обеих сторон и весьма упорный бой, так как и те и другие стыдились полководцев, пока Ганнибал, заметив на каком-то холме столпившихся иберов и кельтов, не поскакал туда, чтобы и их привлечь к сражению. Тогда сражающиеся, не понимая причины его удаления и приняв его отъезд за бегство, добровольно оставили сражение и беспорядочно бежали не туда, куда, как они видели, направился Ганнибал, но куда каждый сумел. Таким образом они рассеялись, римляне же, считая, что битва уже окончена, нестройно преследовали их, тоже не понимая намерения Ганнибала.

47. Но он уже возвращался с холма, окруженный иберами и кельтами. И Сципион опять спешно стал отзываться римлян, чтобы они оставили преследование, и выстроил их, причем их было много больше, чем спустившихся с холма; поэтому они без труда их победили. Потерпев неудачу и в этой последней попытке, Ганнибал уже явно обратился в бегство, потеряв всякую надежду. Его преследовало много всадников и среди них Массанасса, который, хотя и страдал от раны, но все время старался догнать его, желая во что бы то ни стало привести Ганнибала пленником Сципиону. Ночь, однако, спасла Ганнибала, и уже в темноте с двадцатью всадниками, которые могли равняться с ним в быстроте бега, он примчался в город, которому имя Тон (Θών)², и узнал, что сюда сбежалось после поражения много всадников из бруттиев и иберов. Поэтому, боясь иберов, как варваров, быстрых на всякое решение и бруттиев, как итальяцев, соплеменных Сципиону, как бы они не отвели его к Сципиону, чтобы получить прощение за свои проступки против Италии, тайно бежал оттуда с одним всадником, которому он

¹ Это слово уничтожает Ниппердей; подразумеваются, конечно, римляне.

² У других авторов не упоминается. Должен быть локализован где-либо на пути между Замой и Гадруметом, т. е. в районе Зевгитанских гор.

более *всего* доверял. Проехав *за* две ночи и *два* дня до трех тысяч стадиев, он прибыл в приморский город Гадрумет¹, где у него оставалась некоторая часть войска для охраны хлеба. Вызвав *воинов* из близлежащих *мест* и собрав бежавших из битвы, он стал готовить оружие и машины.

VIII, 48. Сципион же, одержав такую блестящую победу, ненужную *часть* добычи стал сжигать сам, подпоясавшись, как обычно делают полководцы римлян. Он отослал в Рим на кораблях десять талантов золота, две тысячи пятьсот талантов серебра, изделия из слоновой кости и наиболее видных из пленных; *с ними он отправил* Лелия, чтобы сообщить о победе, и, распродав остальное, вырученные деньги роздал войску; особенно отличившимся он дал подарки, а Массанассу увенчал и *на этот раз*. Обходя города, он подчинял их себе. Таков был конец битвы Ганнибала и Сципиона в Ливии, впервые тогда вступивших в сражение друг с другом; в ней погибло у римлян две тысячи пятьсот человек², у Массанассы — еще больше, у неприятелей — двадцать пять тысяч. В плен было взято восемь тысяч пятьсот. К Сципиону перебежало триста иберов, а к Массанассе — восемьсот номадов.

49. Когда еще ни карфагеняне, ни римляне не получили известий об этом, первые послали к Магону, еще набравшему наемниками кельтов, приказ вторгнуться в Италию, если он может, или переплыть с наемниками в Ливию, последние же, *поскольку* это письмо было перехвачено и доставлено в Рим, послали Сципиону новое войско, коней, корабли и деньги. Он же уже направил по земле к Карфагену Октавия, сам же плыл на кораблях. Карфагеняне, узнав о поражении Ганнибала, на быстроходном судне направили к Сципиону послов, во главе которых стояли Ганнон, называемый Великим, и Гасдрубал Козел³. Они поставили высоко на носу корабля жезл глашатая и протягивали к Сципиону руки по образу молящих. Он приказал им явиться в лагерь и, *когда они* пришли, дал им аудиенцию, восседая на высоком сидении. Они со стенанием бросились на землю, и, *когда* служители подняли их и приказали сказать, чего они желают, Гасдрубал Козел сказал:

50. «Дозвольте, о, римляне, и этому Ганнону и всем разумным из карфагенян очистить себя от проступков, в которых *вы* нас обвиняете; ваших послов, против которых *наше* отечество погрешило невольно вследствие голода, мы спасли и отправили к вам. Не следует, *чтобы* и вы обвиняли всех карфагенян, тех, которые и прежде просили мира и, получив его, охотно поклялись. Но есть города (πόλεις)⁴, которые легко склоняются к худшему, и то, *что доставляет* удовольствие, всегда имеет силу у толпы. Это испытали и мы, не имея возможности ни убедить толпу, ни сдержать ее из-за тех, которые клеветают там на нас и отнимают *возможность* откровенно говорить перед вами. Не судите, о, римляне, с *точки зрения* вашей дисциплины и благоразумия о том, *что делается* у нас, но если кому кажется виной и то, *что народ* повинуетя подстрекающим его, *то* обратите внимание (ὑπολογίσειςθε)⁵ на голод и на безвыходность *положения*, которая возникла у нас вследствие *этих* несчастий. Ведь, конечно, не *могло* быть сознательным делом одних и тех же лиц только что просить о мире и согласиться заплатить такие деньги, и отказаться от длинных судов, кроме немногих, и передать вам большую *часть* своей державы, и поклясться относительно этого, и принять клятву *от вас*, от-

¹ См. выше, 33.

² Полибий говорит всего о 1 500 (XV, 14, 5).

³ См. о них выше, 34.

⁴ Вместо πόλεις есть конъектура πολλοί — «многие».

⁵ Конъектура Mendelssohn'a; издания вслед за Schweighäuser'ом : ἐπίθετε «прибавьте сюда»; рукописи: ὑπείδεσθε, ὑπείδεσθαι.

правив для этого послов в Рим, а затем, когда наши послы были еще у вас¹, добровольно все это нарушить. Но скорее всего кто-то из богов лишил нас разума и затем буря, занесшая ваше продовольствие в Карфаген; а вдобавок к этой буре голод отнял у нас способность заботиться о чужих нуждах, когда мы сами нуждались во всем. Нельзя требовать рассудительности от толпы, неорганизованной и испытывающей несчастья.

51. Если же и в этом случае мы кажемся вам виновными, а не несчастными, мы соглашаемся и с этим, и вот поэтому-то и заклинаем вас о прощении. Для не погрешивших ни в чем возможна защита своей справедливости, для погрешивших остается только мольба. Этим путем они получают сострадание от счастливых, когда те посмотрят на изменчивость человеческих дел и увидят, что вследствие внезапных перемен умоляют те, которые вчера сами могли наносить обиды. Так и город карфагенян, величайший и могущественнейший в Ливии, богатый одновременно и кораблями, и деньгами, и слонами, и войском пешим и конным, и многочисленными подданными, процветавший семьсот лет и властвовавший над всей Ливией и другими народами и островами и таким огромным морем и долгое время державший на соперничество с вами самими, ныне имеет надежду на спасение не в море и кораблях, не в слонах и конях, не в подданных, от которых от всех он отказался в вашу пользу, но в вас самих, испытавших прежде от него столько зла. Нужно, чтобы вы, приняв это во внимание и остерегаясь по отношению к себе Немезиды, умеренно пользовались своим счастьем, действовали достойно вашего, о, римляне, собственного великодушия и прежнего счастья карфагенян и научились бы на наших бедствиях безропотно переносить перемены, посылаемые божеством, чтобы и по отношению к богам ваше поведение для вас было безгрешным и по отношению ко всем людям достойно похвалы.

52. Конечно, нечего бояться, как бы и теперь карфагеняне, которые за прежние неразумие подверглись столь тяжкому раскаянию и наказанию, не переменяли своего решения. Для людей разумных стражем, охраняющим их от прегрешений, является благоразумие, для склонных же к проступкам — прежние страдания и раскаяние. Естественно, что подвергшиеся наказанию тверже выполняют свои обязательства, чем те, которые этого не испытали. Не следует, чтобы вы, которые упрекаете карфагенян за жестокость и правонарушения, сами подражали им в этом; для впадших в несчастье сами бедствия бывают началом новых правонарушений вследствие безвыходности их положения, для счастливых само человеколюбие находится в их власти. Ни славно, ни полезно для вашей власти уничтожить такой великий город, а не сохранить его. Вы сами — лучшие судьи того, что вам выгоднее. Мы же вам ради своего спасения приведем изо всего главным образом два следующих положения: прежнее достоинство Карфагенской державы и вашу собственную умеренность во всем, которая вместе с оружием подняла вас до такой степени власти и могущества. На каких бы условиях вы ни дали нам мир, мы примем его; излишне говорить о них тем, которые вашей власти вручают все свое».

53. Сказав это, Козел заплакал. Сципион, удалив их, долго совещался с лучшими из окружавших его. Когда он пришел к определенному решению, он, вызвав их, сказал так: «Вы не достойны никакого прощения, вы, так часто нагло нарушавшие договоры с нами и, наконец, теперь столь явно и беззаконно совершившие преступление по отношению к посольству, что ни отрицаете этого, ни возражаете на то, что достойны высшего наказания. Но что же обвинять тех, которые сами сознаются во всем? Вы прибегаете к моль-

¹ Некоторые рукописи: «ваши послы были еще у нас».

бам, *вы*, которые не оставили бы даже имени римлян, если бы *вы* победили. Но мы никогда не сделаем вам чего-либо подобного; ведь и послов ваших, бывших еще в Риме, *когда* *вы* нарушили клятвенно заключенный договор и совершили преступление против наших послов, *наш* город отпустил, и я *их*, занесенных в *мой* лагерь, отослал к вам, уже воевавшим с нами, невредимыми. Нужно, *чтобы* *вы*, обвиняющие самих себя, считали выгодой то, что получите. Я скажу свое мнение, а сенат постановит, что *ему* будет угодно.

54. Еще *раз* мы даруем вам, карфагеняне, мир, если *вы* передадите римлянам длинные корабли, кроме десяти, и слонов, которых *вы* имеете, и все, что *вы* за последнее время похитили, или цену потерянного, *причем* в случае разногласий я буду *третьим* судьей, *передадите также* всех пленных и перебежчиков и всех, кого Ганнибал привез из Италии. Все это *сделайте* в течение тридцати дней с того момента, как будет установлен мир; в течение шестидесяти дней Магон должен удалиться из области лигуров, а *вы* — вывести гарнизоны из городов, которые находятся вне финикийских рвов¹, отдать всех заложников, которых *вы* от них имеете, а в Рим каждый год в течение пятидесяти лет вносить по двести эвбейских талантов². И больше не набирать наемников ни у кельтов, ни у лигуров, не воевать ни с Массанасой, ни с *любым* другим другом римлян, и чтобы никто из карфагенян не воевал против них, по крайней мере от имени общины. *Вы* будете владеть городом и всей *той* областью, которую *вы* имели внутри финикийских рвов, *когда* я переплыл в Ливию. *Вы* будете друзьями и союзниками римлян на земле и на море, *причем* все это будет, если это одобрит сенат. *Когда* эти условия будут приняты, римляне удалятся из Ливии в течение ста пятидесяти дней. Если *вы* захотите получить перемирие, пока не отправите посольство в Рим, *вы* дадите нам тотчас заложниками сто пятьдесят юношей, которых я сам выберу, дадите также для содержания войску другую тысячу талантов и продовольствие. *Когда* будет заключен договор, *вы* получите обратно заложников»³.

IX, 55. Так сказал Сципион, и послы отнесли *его* ответ в Карфаген, где народ сходил на собрание в течение многих дней для обсуждения *этих* предложений, причем у лучших было мнение — принять предложенное и не рисковать всем, отказываясь от повиновения в каких-либо отдельных вопросах, рыночная же толпа, думая больше о потере всего, что они имели — а это было так много, — а не об ужасах настоящего, не хотела принимать этих условий и негодовала, что правители во время голода предпочитают хлеб отдать римлянам для обеспечения перемирия вместо того, чтобы дать его своим гражданам; окружая каждого из них, они грозили всем, что разграбят и сожгут их дома. Наконец, они решили в настоящих обстоятельствах призвать советником Ганнибала, который имел уже шесть тысяч пехотинцев и пятьсот всадников и стоял в городе Мартама⁴. Он прибыл, и хотя умеренные граждане боялись, как бы этот воинственный муж не подстрекнул толпу продолжать войну, он в речи, полной достоинства, велел принять мир⁵. Но народ, обезумев от гнева, поносил и его и грозил всем, пока одни из знатных не бежали к Массанассе, другие

¹ См. выше, 32.

² Эту же цифру называет и Полибий (XV, 18, 7). Эвбейский талант равняется $\frac{5}{6}$ эгинского таланта, составлявшего 26,2 кг серебра.

³ Ср. сообщения Полибия (XV, 18, 3 сл.) и Ливия (XXX, 37, 2 сл.), между которыми имеются незначительные расхождения.

⁴ Из предшествующего явствует, что город этот, наименование которого читается также Бартама, должен был находиться близ Гадрумета. Ср. G e l l, III, 281, прим. 5.

⁵ Ср. Liv.. XXX, 36, 3.

же, потеряв надежду на спасение государства, добровольно предали сами себя римлянам.

56. Карфагеняне, узнав, что в какой-то гавани Ганнибал собрал много хлеба, выслали к нему грузовые суда и длинные корабли, решив, если они получают хлеб, выступить с оружием из города и лучше подвергнуться всему, что решит послать им судьба, чем добровольно стать рабами римлян. Но когда ветер и буря разбили их корабли, они, разочаровавшись во всем, стали проклинать богов, как замышляющих их гибель, заключили перемирие со Сципионом и отправили послов в Рим. И Сципион послал от себя тех, которые бы посоветовали признать предложенное. Говорят, что он это сделал по двум причинам: во-первых, он считал, что это полезно государству, а во-вторых, узнав, что консул Гней Корнелий Лентул¹ замышляет отнять у него командование войском, а ему не хотелось, чтобы слава окончания войны досталась другому. Уезжающим он поручил сказать, что, если римляне будут медлить, он сам от своего имени заключит мир.

57. Римляне же очень радовались, что одолели столь великое государство, которое прежде причинило им много бедствий и которое по могуществу занимало второе или третье место на земле, но сенаторы спорили между собой, одни — еще полные гнева и раздражения на карфагенян, другие же — уже жалея их и считая, что в чужих несчастьях они должны принимать решения согласно с достоинством римского народа. Один из друзей Сципиона², поднявшись, сказал: «Не о спасении карфагенян, отцы-сенаторы, теперь у нас забота, но о верности римлян по отношению к богам и о доброй славе среди людей, чтобы нам не поступить более жестоко, чем сами карфагеняне, нам, которые обвиняют карфагенян в жестокости, и, всегда заботясь об умеренности в малых делах, не пренебречь ею в более значительных; а ведь их вследствие их значительности нельзя скрыть, но по всей земле и теперь и впоследствии пройдет слух об этом, если мы уничтожим прославленный город, владыку морей, который властвовал над многими островами, над всем морем, более чем над половиной Ливии, который в битвах против нас самих проявил столько примеров и счастья и силы; с ними, пока они еще боролись, следовало бороться, но раз они пали, их надо щадить, подобно тому, как и из атлетов никто не бьет уже павшего противника, да и из зверей многие щадят упавших. Следует при счастливых обстоятельствах остерегаться отмщения богов и зависти людей. Если кто внимательно подумает, сколько они совершили против нас, он поймет, что в этом и есть самая страшная воля судьбы, если теперь молят об одном спасении те, которые имели возможность совершить против нас столько и таких деяний и которые недавно блестяще боролись за Сицилию и Иберию. Но за все это они понесли наказание, в последних же своих преступлениях они обвиняют голод, для людей зло самое тягостное, которое может отнять всякую способность мыслить.

58. Я ничего не скажу в защиту карфагенян, так как этого не стоит делать: я ведь хорошо знаю, что и прежде перед этим бывшие у нас договоры они нарушали, но, как поступаая в таких случаях, отцынаши достигли такого благоденствия, хотя вы и сами это знаете, я все же вам напомню. Когда все наши соседи, жившие вокруг нас, часто от нас отпадали и постоянно нарушали клятвенные договоры с нами, они не пренебрегли ими — ни латинами, ни тирренами, ни сабинянами. И когда опять-таки

¹ Консул 201 г. до н. э. вместе с Публием Элием Петом, L i v., XXX, 40, 5.

² Вероятно, Квинт Цецилий Метелл (L i v., XXX, 23, 3 сл.), бывший главой партии Сципиона в сенате.

жившие вокруг нас айканы, вольски и кампанцы, и все другие племена Италии нарушили договоры с нами, они стойко перенесли это. И племя самнитов, которое трижды пренебрегало дружбой и договорами и восемьдесят лет вело с нами величайшие войны, они не уничтожили, равно всех других, которые призвали Пирра против Италии. Да и мы сами еще недавно не истребили же тех из италийцев, которые присоединились к Ганнибалу, равно и бруттиев, которые до конца боролись вместе с ним против нас, но, наказав их тем, что мы отняли у них часть земли, позволили им владеть остальным, так как одновременно и благочестиво и полезно для нашего благоденствия не столько истреблять племена людей, сколько учить их благоразумию.

59. Итак, ради чего изменим мы по отношению к карфагенянам наш образ действий, пользуясь которым доныне мы процветали? Или потому, что их город больше других? Но поэтому он еще более достоин пощады. Или потому, что они часто нарушали данные нам клятвенно обещания? Но ведь это делали и другие и, можно сказать, все. Или потому, что они теперь подвергаются малому наказанию? Они, у которых отнимаются все корабли, кроме десяти, которые передают нам слонов, свою главную силу, платят десять тысяч эвбейских талантов¹, отступаются от всех городов и всей страны, над которой они властвуют вне финикийских рвов, и все, что они разграбили, страдая от голода, они, все еще страдая от голода, отдают, а в случае разногласий третьейским судьей для них является Сципион, воевавший с ними. Я хвалю Сципиона и за высокие и за многочисленные эти требования, но настойчиво советую ради завистливости судьбы и переменчивости человеческих дел пощадить тех, у которых есть еще, пока мы не заключили соглашения, много кораблей и большое количество слонов, причем Ганнибал, муж самый опытный в военном деле, уже имеет войско, Магон из области кельтов и лигуров ведет других многочисленных наемников, а сын Сифакса Вермина² является их союзником, равно как и другие народы номадов; наконец, они имеют много рабов. Если они потеряют надежду на то, что они могут получить от нас, они, не жалея ничего, воспользуются всем этим. Нет ничего страшнее отчаяния в битвах, в которых и божество не всегда справедливо и часто завистливо.

60. Повидимому, и Сципион, предвидя это, прислал нам свое мнение и добавил, что, если мы будем медлить, он сам заключит договор. Естественно, что он лучше нас разбирается в обстановке и что ему виднее, так как он находится на месте. Отвергнув его советы, мы обидим человека, столь любящего свой город, и такого исключительного полководца, который, когда мы и не стремились в Ливию, побудил нас к этому, не взяв войска, сам собрал его для себя и эту кампанию провел для нас настолько счастливо, как мы того и не ожидали. И достойно удивления, что, относясь вначале к этой войне легкомысленно, вы теперь хотите продолжать ее так настойчиво и неумеренно. Если же кто считает, что все это верно, но боится, как бы и теперь карфагеняне не нарушили договоров, то наиболее вероятно, что они, столь много претерпев от прежних нарушений, сами уже будут стражами этих договоров и на будущее время станут чтить благочестие, из-за нечестия пав перед нами на колени; непоследовательно для одних и тех же сенаторов одновременно презирать карфагенян, как уже не имеющих никакой силы, и в то же время бояться их, как могущих поднять восстание. А нам легче уследить за ними, чтобы они вновь не усилились, чем сейчас их окончательно уничтожить; ведь теперь они будут сражаться с отчаянием; впоследствии же мы всегда будем сдерживать их,

¹ Ср. выше, 54.

² Ср. выше 33.

боящихся нас. Достаточно неприятностей будут они иметь и без нас: их будут теснить все живущие вокруг них, помня зло за прежнее их насилие, да и Массанасса, муж, вернейший нам, находясь там, будет всегда следить за ними.

61. Но если кто-либо пренебрежет всем этим, лишь бы самому заменить в командовании Сципиона, наблюдая лишь свои интересы и уверенный, что он встретит покровительство судьбы до самого конца, то что же мы будем делать с городом, взявши его, если только мы его возьмем? Уничтожим его совершенно за то, что они разграбили наши корабли с хлебом? Но они готовы отдать это вместе со многим другим. Или мы этого не сделаем, остерегаясь отмщения богов и поношения от людей, но передадим его во власть Массанассе? Но хоть он нам и друг, не следует делать даже его безмерно могущественным; напротив, надо думать, что их вражда друг с другом полезна для Римского государства. Или всю эту землю мы пустим в аренду? Но охраняющее ее войско поглотит весь доход: мы будем нуждаться в большом войске, как это естественно в окружении многих соседей, которые все варвары. Или мы пошлем колонистов, заставив их жить среди стольких номадов? Но они всегда будут терпеть от них насилия, так как варвары сильнее их; если же они одолеют их, то на будущее они сами будут нам страшны и будут вызывать у нас зависть, имея страну столь обширную и много лучшую, чем наша. Это, мне кажется, принимая в соображение, Сципион и велит нам принять мольбы карфагенян. Послушаемся поэтому и умоляющих и нашего полководца.

62. Так он сказал, Публий же Корнелий¹, родственник Корнелия Лентула, бывшего тогда консулом и имевшего намерение быть преемником Сципиона, возразил так: «Только на то, что выгодно, о, отцы-сенаторы, надо смотреть, когда идет война; и насколько этот город, как указывают вот они, является еще могущественным, настолько нам нужно остерегаться его неверности, соединенной с могуществом, и нужно ранее сокрушить силу, если мы не можем устранить их неверность. Для нас нет более удобного случая, чтобы уничтожить страх перед карфагенянами, чем настоящий, когда они во всех отношениях слабы и находятся в безвыходном положении, прежде чем они опять усилятся и в том, и в другом отношении. И конечно, я не отказываюсь разобрать этот вопрос с точки зрения справедливости; мне не кажется, что наше государство предъявило неумеренные требования к карфагенянам, которые, когда благоденствуют, поступают несправедливо и насильничают над всеми, в несчастьях же умоляют и, если добьются успеха, тотчас же нарушают соглашения. У них нет ни уважения к святости договоров, ни твердости слова в клятвах; и вот таких он предлагает спасти, боясь отмщения богов и ненависти людей. Я же думаю, что сами боги поставили Карфаген в такое положение, чтобы когда-нибудь понесли наказание за нечестие те, которые и в Сицилии, и в Иберии, и в Италии, и в самой Ливии, и с нами, и со всеми другими всегда и заключали договоры, и преступали клятвы, и совершали другие страшные и преступные дела. Прежде чем перейти к нашим делам, я приведу вам пример их отношений к другим народам, чтобы вы знали, что все будут обрадованы, если мы накажем карфагенян.

63. Они у закинфян², в славном городе Иберии, бывшем в договорных отношениях с ними самими и дружественном нам, перебили всех, кто только был в цветущем возрасте, хотя те ни в чем не поступили несправедливо. Они, взяв по договору подвластную нам Нуцерию³ и поклявшись

¹ Публий Корнелий Лентул, претор 214 г., управлявший Сицилией.

² Т. е. жителей Сагунта (Закинфа), греческой колонии в Тарраконской Испании, на месте современного Мурвьедро, ср. Ib., 10 сл.; Liv., XXI, 15.

³ См. выше Hann., 49; Liv., XXVII, 3.

отпустить каждого с двумя одеяниями, заперли их сенат в баню и, зажегши баню, заставили задохнуться, а ухившийся народ перебили копьями. Сенат же ацерранов¹ после заключения с ними договора они бросили в колодезь, а колодезь засыпали. Нашего консула Марка Корнелия², обманув его клятвами, повели как *будто для того, чтобы повидаться с их большим полководцем, и, схватив, отвезли его из Сицилии в Ливию как пленника с двадцатью двумя кораблями*³. Убили они и Регула⁴, другого нашего полководца, замучив его, когда он, чтобы не нарушить своей клятвы, вернулся к ним. Сколько же совершил Ганнибал, или воюя, или устраивая засады, или преступая клятвы по отношению к городам и войскам нашим, против *собственных* своих союзников, грабя города и избивая воевавших вместе с ним, было бы долго перечислять. Достаточно сказать, что он разрушил четыреста наших городов. Наших же пленных бросал он во рвы и реки, проходил по ним, как по мостам, других же бросал под ноги слонам, иным же приказывал вступать в единоборство друг с другом, ставя братьев против братьев и отцов против сыновей. А эти недавние события, когда они присылали сюда послов относительно мира и умоляли и клялись, и, когда послы их были еще здесь, в Ливии же, они разграбили наши суда и заключили в оковы наших воинов. До такой степени безумия доходят они вследствие кровожадности.

64. Так вот какая же может быть жалость или умеренность в проявлении своих чувств со стороны других в отношении тех, которые сами не проявляли в отношении кого бы то ни было ни умеренности, ни мягкости? Как сказал сам Сципион, если бы мы попали в их власть, не оставили бы даже имени римского народа. Но, *говоришь ты*, тверда их верность, крепко их рукопожатие! Какая верность? Какой договор, какая клятва, которую они не затоптали? Какое соглашение, какие знаки расположения, которых они не осквернили бы своей наглостью? Не будем подражать, говорит он, им! Какое же соглашение мы нарушаем, еще ни в каком с ними не вступавшие в соглашение? Но, говорит он, не будем подражать их кровожадности. И мы сделаем друзьями и союзниками *этих* кровожаднейших людей? Ни того, ни другого они недостойны. Но пусть они предадут себя нам по закону побежденных, как многие предавали себя, а мы посмотрим. И что бы мы им ни дали, пусть они видят в этом милость, а не соглашение. Различаются же эти два предложения между собой следующим образом. Пока они будут заключать договоры, они будут их нарушать, как и прежде, всегда находя в *этих* договорах какой-нибудь предлог, *находя что* они и их ущемлены; спорные же дела представляют много предлогов. Когда же они предадут себя нам и мы возьмем у них оружие, и самое тело их будет нашим, и они убедятся, что у них нет ничего собственного, тогда падет их надменность и они будут довольны, что бы они от нас ни получили, как будто это нечто чужое. Итак, если Сципиону это кажется иначе, вы имеете возможность сопоставить и обсудить оба мнения; если же он заключит договор с карфагенянами помимо вас, зачем он посылал это дело на ваше решение? Так как вы полномочны судить относительно этого, я высказал свое мнение, которое, я считаю, принесет пользу государству».

65. Это сказал Публий; сенат поставил этот вопрос на поименное голосование, и большинство поддержало мнение Сципиона. Итак, был заключен мир, это уже в третий раз, между римлянами и карфагенянами.

¹ Т. е. города Ацерры в Кампании (современная Ачерра), L i v., XXIII, 17.

² По данным других авторов, Гней Корнелий Сципион Асина, консул 260 г до н. э., командовавший римским флотом и попавший в плен при Липарских островах (P o l y b., I, 24, 4 сл.; L i v., Ер., XVII).

³ Ср. P o l y b., I, 24, 7; VIII, 1. 9.

⁴ См. выше, 4.

И главным образом Сципион считал *необходимым* побудить к нему римлян или ввиду сказанных соображений, или *считая, что* римлянам для благоденствия достаточно отнять у карфагян только право на господство, ведь есть и *такие*, которые считают, что он ради *поддержания* благоразумия у римлян желал навсегда оставить им соседа и соперника, *внушающего* страх, чтобы они, *достигнув* огромного счастья и безопасности, не стали высокомерными. И *то*, о чем Сципион тогда думал, об этом немного позднее громко сказал римлянам Катон, порицая *их* за крайнее раздражение против Родоса¹. Сципион, заключив этот договор, со всем войском переплыл из Ливии в Италию и вступил в Рим с триумфом, самым блестящим *из всех*, какие до него были².

66. Обычай, который соблюдается и ныне, когда справляется *триумф*, таков. Все выступают увенчанные венками, впереди идут трубачи и движутся повозки с добычей, проносят башни и изображения взятых городов, картины, изображающие военные события, затем золото и серебро — нечekanенное и в монетах — и если *есть*, то и другие подобные же *ценности*, и все венки, которыми наградили полководца за доблесть или города, или союзники, или подчиненные ему войска. Затем *шли* белые быки, а за быками были слоны и все вожди и самих карфагян и номадов, которые были взяты в плен³. Впереди самого полководца шли ликторы, одетые в пурпурные туники, и хор кифаристов и играющих на свирелях, подобно тирренской процессии, подпоясанные и с золотыми венками *на* голове; подобным образом выступают *другие* в строю с пением и приплясыванием. Их называют лидийцами, *потому* (думаю), что тиррены *являются* колонистами лидийцев⁴. Один из них, в пурпурной до пят одежде, в золотых ожерельях и браслетах, делает различные жесты, вызывая смех, как *бы* насмехаясь над неприятелями. За ним множество носителей благовоний, а за благовониями — *сам* полководец на колеснице, пестро расписанной, в венке из золота и драгоценных камней, одетый, по отеческому обычаю, в пурпурную *тогу* с вотканными *в* нее золотыми звездами, несет скипетр из слоновой *кости* и лавровую ветвь, которую римляне всегда считают символом победы. С ним всходят на колесницу мальчики и девушки, а на свободных конях с обеих сторон *едут* юноши, его родственники. *За* ним следуют все *те*, которые во *время* войны были у него писцами, служителями, оруженосцами. И после них войско по илам и когортам, все увенчанное и несущее лавровые ветви; лучшие же *воины* несут и знаки отличия. *Из* начальников одних *они* восхваляют, других осмеивают, а иных порицают; ибо триумф не знает запрета, и все вправе говорить, что *только* хотят. Прибыв на Капитолий, Сципион распустил процессию, а *на* угощение он по обычаю *пригласил* друзей в храм.

X, 67. Такой конец имела для римлян вторая война против карфагян, начавшаяся с Иберии и кончившаяся в Ливии таким договором относительно самого Карфагена. У эллинов в *это* время проходила сто сорок четвертая олимпиада⁵. Массанасса полный гнева *на* карфагян и уверенный в *дружбе* римлян, захватил значительную *часть* земли карфагян, как принадлежавшую некогда ему. Карфагяне просили римлян помирить их с Массанассой. Римляне послали *третейских* судей, которым

¹ Марк Порций Катон Старший, цензор 184 г. до н. э.; ср. L i v., XLV, 25; G e l l., NA, VII, 3. Но, как известно, Катон высказывался за уничтожение Карфагена (см. ниже, 69).

² 201 г. до н. э.

³ Здесь А п п и а н от описания римского триумфа вообще (ср. его же описание триумфа Помпея, Mithr., 117) переходит к описанию триумфа Сципиона.

⁴ Ср. Н е г., I, 94.

⁵ А именно ее третий год, соответствующий 201—200 гг. до н. э.

было велено содействовать, насколько могут, Массанассе. Так Массанассе была прирезана *часть* земли карфагенян, карфагенянами было заключено соглашение и с ним, которое продолжалось около пятидесяти лет¹. За это время Карфаген, пользуясь спокойно миром, достиг большого могущества и многолюдства благодаря плодородию земель и выгодному *положению* у моря.

68². И тотчас, как *это* случается в счастливых обстоятельствах, одни стали склоняться *на сторону* римлян, другие — *на сторону* демоса, некоторые же выражали свои симпатии Массанассе. Предводительствовали же каждой *из этих группировок люди*, выдающиеся по славе и доблести: сторонниками римлян — Великий Ганнон³, избравшими сторону Массанассы был Ганнибал, прозванный Скворцом, сторонниками же демоса — Гамилькар, которому было прозвище Самнит⁴, и Карталон. Они⁵, выждав *время, когда* римляне воевали с кельтиберами⁶, а Массанасса пошел на выручку сына, *которого* окружили и держали в осаде другие иберы⁷, убеждают Карталона, бывшего боттархом⁸ и объезжавшего в силу этой власти страну, напасть *на подданных* Массанассы, живших в палатках на спорной земле. И он убил некоторых *из них*, угнал добычу и бывших *там* в полях ливийцев возбуждал против номадов. Много и других военных столкновений произошло у них друг против друга, пока *от* римлян *не* пришли другие послы для разбора *их споров*, которым также было велено незаметно помогать Массанассе. И послы закрепили *за* Массанассой все, что захватил *он* раньше, следующим хитрым *способом*. Они ничего не сказали и никого не выслушали, чтобы Массанасса не потерпел какого-либо ущерба, как *это произошло бы* при *правильном* суде, но, став между *ними* обоими, протянули руки, *разделяя их*: и это было у них приказание, *обращенное к* обеим *сторонам*, примириться. Немного позже Массанасса поднял распри *из-за так* называемых великих равнин⁹ и *из-за* области пятидесяти городов, *которую они* называют Туской¹⁰. Из-за этого карфагеняне вновь прибегли к римлянам. Римляне обещали им и на этот раз отправить послов для решения *спора*, но затянули *отправку*, пока *можно было уже* считать, что *дело* карфагенян в большей *части* проиграно.

69. И тогда *римляне* отправили послов и *среди них* Катона¹¹, которые, прибыв на спорную землю, потребовали, *чтобы* обе *стороны* предоставили им *право решения* относительно всего. Массанасса, конечно, как уже захвативший большую *долю* и всегда твердо полагавшийся *на* римлян, *им это право* предоставил, карфагеняне же отнеслись *к этому предложению* подозрительно, так как знали, *что* прежние *послы* судили недобросовестно. Итак, *они* сказали, что договор, *заключенный* при Сципионе, не нуждается

¹ Ср., однако, следующую главу.

² 193 г. до н. э.

³ Ср. выше, 49.

⁴ См. о нем еще ниже, 70, а также P o l y b., XXXVII, 10, 2.

⁵ Т. е. Гамилькар Самнит и Карталон.

⁶ Имеется в виду так называемая II Кельтиберийская война, точнее ее первая фаза (153—151 гг. до н. э.) Ср. R E, XI, 1, 154.

⁷ Т. е. отличные от тех кельтиберов, с которыми воевали римляне.

⁸ Этот Карталон боттарх, т. е. начальник над вспомогательными войсками, не идентичен названному выше Карталону — вождю демократической партии, см. о нем еще ниже, 71.

⁹ См. P o l y b., XIV, 7, 9; отождествляются с современной местностью Сук эль Арба в бассейне реки Меджерды.

¹⁰ Туска отождествляется с Туггой латинских надписей (C I L, VIII, 15502). Ср. P t o l., IV, 3, 7, современная Дугга; ср. G s e l l, III, 321.

¹¹ В 153 г. до н. э. (L i v., Ep., XLVIII; ср. P l u t., Cato Maior, 26).

ни в каком разбирательстве, ни в каком исправлении; *надо* только, чтобы из него *ничего не* нарушалось. Но послы, не желая произносить своего решения, удалились и стали осматривать страну, тщательно обработанную и имевшую большие источники доходов. Войдя в город, они увидели, насколько он стал могуществен и насколько увеличилось его население после бывшего незадолго *перед тем* истребления, причисленного ему Сципионом. Вернувшись в Рим, они говорили, что не столько зависти, сколько страха вызывает у них положение Карфагена, города враждебного и столь значительного, соседнего и так быстро растущего. И особенно Катон говорил, что никогда у римлян даже свобода не будет прочной, пока они не уничтожат Карфагена. Сенат, узнав об этом, решил воевать, но сперва пользовался предложениями, а свое решение держал скрытым. И говорят, что Катон с того времени в сенате постоянно повторял свое мнение, чтобы Карфагена не существовало, Сципион же Насика¹ требовал противоположного, чтобы Карфаген был оставлен целым, на страх, как он думал, для римлян, уже тогда начавшим отступать от сурового образа жизни.

70². У карфагенян же сторонники демократии изгнали заботившихся о делах Массанассы, которых было около сорока; они провели голосование об их изгнании и заставили демос поклясться никогда их обратно не принимать и не позволять никому вносить предложение об их возвращении. Изгнанные бежали к Массанассе и стали побуждать его к войне. Он же, и сам желая того же, послал в Карфаген двоих из сыновей, Голлосу³ и Мициппу⁴, требуя принять назад изгнанных из-за него. Перед ними, подходившими к городу, боэтарх запер ворота, боясь, как бы родственники изгнанных не разжалобили демос слезами. А на Голлосу, уже возвращавшегося домой, напал Гамилькар Самнит и некоторых из его спутников убил, самого же его привел в страх, вследствие чего Массанасса сделал это себе поводом для нападения, стал осаждать город Гелоскопу⁵, подступив к нему в нарушение условий договора. Карфагеняне: двадцатью пятью тысячами пехотинцев и четырьмястами городских всадников под начальством Гасдрубала, бывшего тогда у них боэтархом⁶, ополчились на Массанассу. Когда они приблизились, Асасис⁷ и Суба⁸, таксиархи Массанассы, из-за чего-то поссорившиеся с сыновьями Массанассы, перешли на их сторону, ведя за собой шесть тысяч всадников; благодаря этому Гасдрубал воспрянул духом, переместил лагерь ближе к царю и в нескольких стычках имел успех. Массанасса, устраивая ему засаду, понемногу отступал, как будто убегая, пока не завел его на большую и пустынную равнину, которую отовсюду окружали крутые холмы, где было полное отсутствие продовольствия. Тогда он, обратившись против неприятелей, стал лагерем на равнине; Гасдрубал же поднялся на холмы, представлявшие как бы своего рода укрепления.

71. На следующий день они собирались вступить в бой, Сципион же

¹ Публий Корнелий Сципион Насика Коркул, цензор 159 г. до н. э.; возглавлявший римское посольство в Карфаген в 152 г. до н. э. (Liv., Ep., XLVIII; Z o. n. IX, 26).

² 152 г. до н. э.

³ Второй по старшинству сын Массанассы. См. о нем у Полибия (XXXIV 16), знавшего его лично.

⁴ Старший сын Массанассы (Z o. n., IX, 27).

⁵ В 150 г. до н. э. Положение этого города, судя по этимологии его греческого наименования находившегося где-либо в горах, ближе не известно. Ср. G s e l I, 109.

⁶ См. о нем ниже, а также Z o. n., IX, 26.

⁷ Другое чтение Гагасис, ср. RE, IV, 1, 474.

⁸ Ср. ниже, 72 сл., где упоминаются перебежчики.

Младший¹, взявший впоследствии Карфаген и бывший тогда легатом Лукулла, воевавшего с кельтиберами², явился в *это время* к Массанассе, посланный просить у него сынов. Навстречу ему Массанасса, сам занятый своим вооружением, как человек готовящийся к битве, послал всадников и некоторым из сыновей приказал принять явившегося. Сам же он на рассвете выстроил войско, так как, несмотря на то, что ему было восемьдесят восемь лет, он был еще хорошим всадником и скакал на неоседланном коне, как это в обычае у номадов, одновременно и командуя, и сражаясь, как рядовой воин. Из ливийцев номады самые сильные, и хотя все они отличаются долголетием, номады самые долголетние. Вероятно, причина этого в том, что зимой у них не бывает сильных морозов [от которых гибнет все], а лето не очень жаркое, как у эфиопов и индийцев. Поэтому в этой земле и из зверей водятся самые могучие, а люди всегда находятся под открытым небом и в трудах. У них мало вина, а пища у всех простая и полезная. И вот Массанасса, вскочив на коня, стал устраивать войско, а Гасдрубал вывел против него свое в значительно большем количестве, так как уже и к нему пришли многие из страны. Сципион смотрел на сражение с высоты, как в театре. И часто позднее он говорил, что, участвуя во всевозможных сражениях, он никогда так не наслаждался; ибо, говорил он, на одно это сражение, где сошлись на битву сто десять тысяч мужей, он смотрел беззаботно. И, применяя несколько возвышенный тон, он говорил, что только двое до него видели подобное зрелище во время Троянской войны. Зевс с горы Иды и Посейдон с Самофракии.

72. Битва шла с зари до ночи, много пало с обеих сторон, и, повидимому, Массанасса был победителем. Когда он возвращался с боя, ему встретился Сципион. Он же к нему, как к другу по деду, проявил исключительное внимание. Карфагеняне, узнав о прибытии Сципиона, просили его примирить их с Массанассой. Он свел их, и, когда пошел разговор об условиях, карфагеняне сказали, что уступят Массанассе землю около Эмпория³ и дадут тотчас двести талантов серебра и восемьсот со временем, когда же он потребовал выдать ему перебежчиков, они не захотели даже слушать, но разошлись, не достигнув никаких результатов. Возвратился Сципион в Иберию, получив слонов, Массанасса же, окружив холм, где стояли враги, рвом, сторожил, чтобы им не доставлялось никакого продовольствия. И вообще поблизости не было ничего, так что и ему едва лишь издали с очень большим трудом доставлялось оно в малом количестве. Казалось, что Гасдрубал мог бы тотчас пробиться через линию врагов, пока у него войско было еще сильным и не пострадавшим, но так как у него запасов было больше, чем у Массанассы, он считал, что заставит Массанассу вступить в сражение, и оставался, узнав вместе с тем, что едут послы римлян для примирения. Они пришли, но им было сказано, что если у Массанассы дела хуже, чтобы они прекратили их спор, если же он имеет преимущество, чтобы они еще более подстрекнули его к борьбе.

73. Порученное им они выполнили⁴, голод же истощал Гасдрубала и карфагенян; сами они ослабели и не могли уже силой одолеть врагов; они сперва персбили выючных животных, затем после выючных животных — коней и ели ремни, варя их. У них распространялись разные болезни как вследствие негодной пищи, так и от отсутствия всякой деятельности и

¹ Публий Корнелий Сципион Эмилиан, прозванный Африканским, прибывший в Африку в 150 г. до н. э.

² Ср. А р р., Ib., 69.

³ Эмпорием, или Эмпориями (P o l y b., III, 23, 2), назывались ливийские поселения на Малом Сирте, начало борьбы за которые между Карфагеном и Массиниссой должно быть отнесено к 161 г. до н. э. (XXXI, 24; ср. K a h r s t e d t, III, 592 сл.).

⁴ Ср. L i v., Ep., XLIX.

времени года, ибо в одно место и в узкий лагерь была заперта большая толпа людей *при обычном* в Ливии жарком лете. *Когда* у них кончились дрова для варки *пищи*, они стали сжигать *деревянные части* оружия. *Из* умерших никто не выносился *из лагеря*, поскольку Массанасса не снимал охраны, *их* и не сжигали из-за недостатка дров. Поэтому смертность у них была большая, с *очень* болезненными явлениями, так как они находились вместе с разлагавшимися и издававшими зловоние трупами. Большая часть войска уже погибла; а остаток, не видя для себя никакой надежды на спасение, постановил выдать Массанассе перебежчиков, внести пять тысяч талантов серебра *в течение* пятидесяти лет и принять назад своих изгнанников, в нарушение *собственной* клятвы, причем сами они должны были *выходить* через одни ворота по одному, проходя *между рядами* врагов с одним только одеянием. *Когда* они уходили, то Голосса, раздраженный недавним нападением на него, или с ведома отца, или сам по себе, послал на них всадников-нумидийцев, которые перебили не защищавшихся, не имевших оружия для отражения врагов и не могших бежать из-за слабости. Так из пятидесяти восьми тысяч мужей совсем немногие спаслись в Карфаген и с ними полководец Гасдрубал и другие из знатных людей.

